

ВОЙНА ИСКРЫ
ОТВЕРЖЕННАЯ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

ГРЕГ ВАЙСМАН

Грег Вайсман
Magic: The Gathering. Война
Искры: Отверженные
Серия «Magic: The Gathering»
Серия «Война Искры», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63627276

Г. Вайсман. Война Искры: Отверженная: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-17-121258-2

Аннотация

Итак, Война Искры завершена... и конец ее служит началом охоты на Лилиану Весс.

Победа над Николом Боласом и спасение Мультивселенной стоили мироходцам немалых потерь. Теперь живым предстоит разбираться с последствиями и оплакивать мертвых. Но одна из утрат особенно, невыносимо горька: триумф стоил жизни рыцарю справедливости, столпу и щиту Стражи, Гидеону Джуре. В то время как его бывшие товарищи, Чандра и Джейс, стараются оправиться после столь тяжкого горя, их будущее, подобно будущему Стражи, остается неясным.

Творить будущее им стремится помочь новый член Стражи, Кайя. Вступая в ряды защитников Мультивселенной, она дала клятву защищать и живых, и мертвых, и ее клятва почти сразу же подвергается суровому испытанию. Скорбящие главы гильдий Равники поручают Кайе серьезное дело – вполне под стать ее дару охотницы и убийцы, причем эту задачу ей приказано хранить в тайне от прочих Стражей. Она должна выследить и предать казни изменницу Лилиану Весс.

Однако Лилиане Весс вовсе не хочется, чтоб ее отыскиали. Отвергнутая друзьями, она бежит с Равники сразу же после победы над Боласом. Заложница злой воли Древнего Дракона, некромантка вынужденно, под страхом смерти, помогала Боласу во всех его злодеяниях, пока Гидеон – последний, кто верил в благородство ее души, – не пожертвовал жизнью, спасая Лилиану от гибели. Терзаемая последним даром Гидеона, преследуемая бывшими союзниками, Лилиана возвращается в те края, которые даже не думала еще когда-либо увидеть – домой. Больше ей идти некуда.

Содержание

Действующие лица	7
Гильдии Равники	9
Эпилог	12
Глава первая. Кайя	12
Часть первая. Уцелевшие	26
Глава вторая. Лилиана Весс	26
Глава третья. Тейо Верада	36
Глава четвертая. Джейс Белерен	42
Глава пятая. Лилиана Весс	49
Глава шестая. Крыса	54
Глава седьмая. Теззерет	64
Глава восьмая. Рал Зарек	68
Глава девятая. Крыса	73
Глава десятая. Враска	88
Глава одиннадцатая. Довин Баан	92
Глава двенадцатая. Крыса	94
Глава тринадцатая. Чандра Налаар	96
Глава четырнадцатая. Тейо Верада	103
Глава пятнадцатая. Джейс Белерен	105
Глава шестнадцатая. Тейса Карлов	108
Глава семнадцатая. Тейо Верада	111
Глава восемнадцатая. Чандра Налаар	115
Глава девятнадцатая. Лилиана Весс	120

Глава двадцатая. Кайя	124
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Грег Вайсман Война Искры: Отверженная

Greg Weisman

Magic: The Gathering. War of The Spark: Forsaken

MAGIC: THE GATHERING is a trademark of Wizards of the Coast LLC and is used with permission.

Copyright © 2020 by Wizards of the Coast LLC. All Rights Reserved.

Wizards of the Coast, Magic: The Gathering, Magic, their respective logos, War of the Spark, the planeswalker symbol, all guild names and symbols, and characters' names are property of Wizards of the Coast LLC in the USA and other countries.

* * *

Выдающимся профессорам, наставникам в моем ученичестве: Альберу Жерару, Джону Л'Эвре, Томасу Мозеру, Нэнси Хаддлстон Пэкер, Рону Ребхольцу и Хуану Валенсуэле. Спасибо вам, открывшим мне новые миры для прогулок...

Действующие лица

Довин Баан – мироходец, ведалкен с Каладеша, старший инспектор Каладешского Консульства, бывший глава Сената Азориусов, механик, системный маг.

Джейс Белерен – мироходец, человек с Врина, один из Стражей, бывшее Воплощение Договора, маг разума.

Мадам Блез – человек с Равники, служительница Синдиката Орзовов, личная горничная главы гильдии.

Ана Иора – человек с Фиоры, крестьянка.

Тейса Карлов – человек с Равники, иерарх Синдиката Орзовов, бывшая Посланица Орзовов и адвокатка, матриарх рода Карлов, маг-законник.

Кайя – мироходец, человек с Тольвады, глава гильдии Орзовов, одна из Стражей, истребительница призраков.

Чандра Налаар – мироходец, человек с Каладеша, одна из Стражей, некогда – аббат Крепости Керал, что на Регате, маг-пиромант.

Крыса – человек с Равники, Безвратная, вор.

Аткош Сыррк – вампир с Равники, убийца из Дома Димиров.

Теззерет – мироходец, человек с Алары, механик.

Тейо Верада – мироходец, человек с Гобахана, маг-щитовик, послушник.

Лилиана Весс – мироходец, человек с Доминарии, неко-

гда – одна из Стражей, некромант.

Враска – горгона с Равники, глава гильдии и царица Роя Голгари, некогда – пиратский капитан и убийца.

Тамик Врона – человек с Равники, синдик Синдиката Орзовов, адъютант главы гильдии Орзовов, маг-законник, маг-охранитель, адвокат.

Рал Зарек – мироходец, человек с Равники, глава Лиги Иззетов, маг бурь.

Гильдии Равники

Сенат Азориусов

Задавшийся целью навести порядок в хаосе улиц Равники, Сенат Азориусов стремится просвещать законопослушных... и усмирять бунтовщиков.

Легион Боросов

Ревностный в праведности, Легион Боросов стремится установить в Равнике мир и согласие, через сколько бы трупов ни пришлось ради этого перешагнуть.

Дом Димиров

Агенты Дома Димиров обитают в темнейших из уголков города, продавая жаждающим власти свои секреты, а тем, кому нужно заставить врага замолчать, – свою сталь.

Рой Голгари

Все живое неотвратимо умрет, и смерть принесет с собой новую жизнь. Голгари, хранители сего бесконечного круговорота, кормят жителей Равники, готовя их, в свою очередь, насытить собою землю.

Кланы Груулов

Некогда Кланы Груулов правили девственной глушью

Равники, но вынуждены были бежать, спасаясь от сокрушительного натиска растущего города. Ныне они готовы к ответной атаке.

Лига Иззетов

Без устали трудясь на благо города, гениальные изобретатели Лиги Иззетов поддерживают великолепие разросшейся Равники... когда их эксперименты не поднимают город на воздух.

Синдикат Орзовов

Синдикат Орзовов нещадно амбициозен и бесконечно алчен. Предлагая поддержку и кошелек, и душе, Орзовы взыщут с лихвой любой долг – хоть с живого, хоть с мертвого.

Култ Ракдоса

Затейники и гедонисты, поклонники демонического владыки Ракдоса знают: жизнь коротка и полна страданий. Что же тогда важнее всего на свете? Конечно, веселиться, ни в чем не зная преград, а после – гори всё огнем!

Конклав Селезнии

Конклав Селезнии – глас Мат'Селезнии, таинственного воплощения самой природы. Заступники дикой жизни, что оказалась под угрозой исчезновения, они защищают ее, не останавливаясь ни перед чем.

Ассоциация Симики

Нигде на свете равновесие меж цивилизацией и природой не важно – и не хрупко – настолько, как в городе, раскинувшись от края до края целого мира. Ассоциация Симики всегда готова хранить Равнику в целости... или же пересмотреть, перестроить ее согласно своеобразным гильдейским требованиям.

Эпилог

Глава первая. Кайя

Оцепенение...

Все мысли, все чувства словно сковало стужей.

Быть может, сейчас ей именно это и требовалось. В эту минуту она помогала Арлинн Корд отнести с поля боя иссохшее тело едва знакомого человека, мироходца по имени Дак Фейден, пожертвовавшего своей Искрой и самой жизнью ради спасения Равники – ради спасения самой Мульти-вселенной – от дракона Никола Боласа.

Сам Болас тоже пал. Подобно Фейдену, в конечном счете он потерял свою Искру в бою с Вековыми, которых сам же и создал, и на глазах Кайи (не говоря обо всей прочей Равнике) исчез, распался в пепел, немедля подхваченный и унесенный ветром.

Победа была потрясающей... и обошлась очень, очень недешево. Кайя не сомневалась: ей следует чувствовать большее – и восторг триумфатора, и скорбь по погибшим в бою...

Но вместо этого, в то время как они с Арлинн укладывали тело Дака на свободную доску меж трупов Домри Раде и виашино по имени Джадира, все ее, так сказать, чувства

словно бы...

«Словно бы пеленой накрыло? Как, подходит?»

Или то была просто метафора, навеянная полупрозрачным полотнищем шелковистой паутины, которое Матка Изони, жрица Голгари, быстро ткала поверх всех трех тел?

Ни одного из них Кайя почти не знала. Раде – идиот и двурушник, Джадира слепо, без оглядки последовал за ним... но вот Дак оказался настоящим героем, одним из тех, кто перекрыл Межмировой Мост, остановив поток Вековечных, хлынувший в Равнику из Амонхета. Оттуда он мог бы уйти в любой мир, куда только душа пожелает. Мог бы... однако решил вернуться и дать врагу славный бой. Дать бой – и погибнуть, приняв такое решение.

«И если я, глядя на него, не способна ничего чувствовать... то кто же из нас тогда лежит там, под шелковым покровом?»

Корд развернулась, готовясь отправиться за следующим телом, но Кайя решила, что с нее этих скорбных трудов довольно.

Повсюду вокруг бурно праздновали победу, но сквозь крики радости то и дело слышался плач горюющих о личных утратах, и каждая из этих крайностей являла собою резкий контраст с другой. Вот мать-гоблинша с сыном плачут над останками отца и мужа, чьи ноги и бедра раздавлены стопой Вековечной Богини Бонту, а рядом эльфийская девочка карабкается вверх по обломкам рухнувшего изваяния Боласа,

а человеческий мальчишка весело машет рукой с ветки поваленного мирового древа Виту-Гази, и оба кажутся невероятно, необычайно беззаботными...

Тут в брешь между двух зданий заглянуло заходящее солнце. Внезапный луч света в лицо заставил Кайю сощурить заслезившиеся глаза. Иных слез она пролить не могла – с тех самых пор, как все это началось.

«Может быть, настоящие слезы появятся позже, неожиданными. Застанут врасплох – тут-то с ног и собьют».

Оставалось надеяться, что так и выйдет: уж очень не нравилась Кайе эта мертвенная пустота в сердце. Довольно, довольно с нее смертей – как это ни смешно, если вспомнить о ее былом роде занятий. Дело в том, что Кайя – по крайней мере некогда – была истребительницей призраков. Ее магия позволяла отправлять духов на вечный покой. Смерть – в совершенно буквальном смысле этого слова – была ее ремеслом, но сама она до сего дня еще никогда не чувствовала себя столь... безжизненной.

Безжизненной и смертельно усталой. С окончанием битвы адреналин в жилах пошел на убыль, и Кайя, неохотно принявшая пост главы Синдиката Орзовов, снова почувствовала всю тяжесть тысяч и тысяч скопленных Синдикатом долговых обязательств, что непомерным грузом лежала на душе.

«Ах, соблазнительно, как соблазнительно попросту взять да объявить все эти долги прощенными!»

Однако Кайя понимала, что подобное деяние уничтожит

Орзовов, и всерьез опасалась, как бы с падением пусть даже одной из гильдий не рухнула и сама Равника – воплощение, основа хрупкого равновесия сил. Ведь город-мир в буквальном (а также магическом) смысле зависел от сотрудничества, сосуществования десяти гильдий – если не в полном согласии, то, по крайней мере, в уравновешенном соперничестве друг с другом. Нет, Кайя защищала Равнику, не щадя сил, вовсе не затем, чтоб поспособствовать ее гибели иными средствами. И это значило, что долгам прощения нет, а ей – до поры до времени – суждено нести сие бремя дальше.

Сейчас ей очень – просто отчаянно – хотелось увидеть лицо друга. К этому времени близких друзей в Равнике у нее завелось немало. Рал с Тамиком. Гекара. Лавиния. Даже Враска. Однако теми двумя, что казались самыми близкими, теми, кого ей в эту минуту хотелось увидеть больше всех остальных, были двое подростков, с которыми она виделась только сегодня утром, – Тейо и Крыса.

«Моя свита, – при этой мысли Кайя улыбнулась. – Вот! Вот оно, хоть какое-то чувство. Да, соглашусь, не то чтобы очень уж пылкое, но уж кое-что. Только бы не упустить его! В погоню!»

И Кайя целеустремленно двинулась сквозь толпу, ища взглядом юного мага-щитовика и еще более юную воровку. Разумеется, сама она была не так уж стара – где там, ей и тридцати еще не исполнилось, но по сравнению с этой парочкой казалась себе прямо-таки Древней из Керу.

Отчего только она к ним так привязалась? Как это могло случиться столь быстро? Ладно, разумеется, сегодня каждый из них спас ее жизнь, и даже не раз. Однако во время этой Войны Искры, как ее уже окрестили в народе, жизнь Кайи спасали две, а то и три дюжины самых различных особ, а сама она наверняка спасла втрое больше, сколько бы их там в точности ни было. Нет-нет, даже не втрое, тут можно было не сомневаться.

«Дело в их чистоте. У них имеется то, чего не хватает мне».

Тейо был очень и очень наивен, но за его наивностью таилась скрытая сила. Сила, которую сам он обнаружил только недавно – и еще не успел в нее толком поверить.

А Крыса? Жизнь Аретии Шокта по прозвищу Крыса была... просто невероятной. Воистину невероятной. Чудо, что Крыса с ней, с жизнью, еще не рассталась. Впрочем, нет: истинное чудо состояло в том, что Крыса не просто осталась жива, но приняла свою жизнь с открытой душой и относилась к ней с небывалым, невообразимым оптимизмом.

Словом, оба они были чисты душой. В сравнении с этой парочкой Кайя почувствовала себя кем-то вроде вампира, создания тьмы, что жаждет напиться их яркого света. Мысль эта слегка напугала ее, и Кайя буквально остановилась, как вкопанная, но тут же перевела дух.

«Кайя, это всего лишь метафора. На самом деле ты ничего ни от кого из них не берешь. Напротив, сама можешь им

кое-что подарить. Такое, что сделает их счастливыми. Или, по крайней мере, облегчит им жизнь. Прежде, чем ты рас-
прощаешься с ними».

Окрыленная этим соображением, она двинулась дальше и вскоре увидела их – вдвоем. Да, конечно же вдвоем, вместе. Шестнадцатилетняя Крыса «усыновила» девятнадцатилетнего Тейю немедля, едва тот прибыл на Равнику.

Как только она подошла к ребятам поближе, Тейю, заметив ее, сказал Крысе:

– Не забывай: мы оба по-прежнему с тобой.

О чем идет разговор, Кайя поняла сразу же.

– Вот только оба вы – мироходцы, – тоскливо кивнув, откликнулась Крыса. – И в конце концов покинете Равнику.

Кайя была не так уж уверена, что в скором времени сможет покинуть Равнику. Ей говорили, будто бы множество долговых обязательств Орзовов прочно привязывает ее к этому миру. Но если сможет...

Однако пока что она развивать этой темы не стала. Продолжая оценивать собственные возможности, она взяла обоих за руки и повела с собою.

В буквальном смысле со свитою за спиной, она присоединилась к группе мироходцев и жителей Равники (друзей или, по крайней мере, товарищей по оружию) – просто затем, чтоб вокруг оказалось побольше народу. Все они что-то горячо обсуждали, но на предмете спора Кайя сосредоточиться не смогла, да не слишком-то и старалась.

Тут к ним подошла Аурелия, ангел. Едва ли не благоговейный вид, с которым она несла что-то в руках, мигом вернул Кайю в настоящее. Поначалу она не смогла разглядеть этой вещи, но вскоре увидела: да это же закопченная и обгорелая мужская кираса. Вот только что она могла означать? У каждой из десяти гильдий имелось множество традиций и ритуалов... а Кайя и во всех традициях Орзовов еще не разобралась, хотя теоретически считалась главой гильдии. Возможно, Легион Боросов, возглавляемый Аурелией, поклоняется сему священному доспеху и выносит его на всеобщее обозрение после каждой победы?

Однако Чандра Налаар сказала:

– Его нужно похоронить на Теросе. Думаю, Гиду это придется по душе.

Вот теперь Кайя поняла, в чем дело. Эта кираса – все, что осталось от Гидеона Джуры, мироходца, отдавшего жизнь за спасение Равники и Мультивселенной. Если уж кому и считаться героем этой Войны Искры, то Гидеону – наверняка.

– Он был бы куда больше рад узнать, что делу еще не конец, – ответил Чандре Златогривый Аджани, мироходец-леонинец.

– Не конец? – в ужасе ахнул Тейо.

Аджани хмыкнул и ободряюще хлопнул парнишку по плечу.

– Я уверен, угроза со стороны Никола Боласа миновала. Однако не стоит нам делать вид, будто кроме Боласа Мульт-

тивселенной ничто не грозит. И если мы хотим воистину почитать друга нашего Гидеона, нужно удостовериться: когда опасность возникнет вновь, Стража прибудет вовремя.

«Стража».

До сего дня Кайя о ней ни разу не слышала. Однако, похоже, именно эта группа – отряд из полудюжины мироходцев – месяцами защищала Мультивселенную от Боласа, а также от множества иных угроз. Сегодня они возглавили битву, и даром им это не прошло. Они знали, что ждет их, но все равно пришли заступить врагу путь. А не приди они, на Равнике не осталось бы в живых никого. В этом Кайя не сомневалась ни минуты.

Между тем Златогривый, еще один из Стражей, сказал:

– Нам нужно только обновить Клятвы.

– Аджани, – отвечал ему Джейс Белерен, фактический (а теперь, после гибели Гидеона, пожалуй, уже не только «фактический») предводитель Стражи, – мы все обновили их лишь сегодня. Не слишком ли будет – обновлять их, что ни день?

Аджани оскалил клыки, невольно сжав лапу на плече Тейо, отчего парнишка слегка поморщился. Пришлось Кайе деликатно убрать лапу леонинца с его плеча. Тейо украдкой испустил облегченный вздох, а Крыса захихикала.

– Возможно... возможно, Клятву могу принять я.

«Кто это сказал?»

Все повернулись в сторону Кайи.

«Святые Древние, похоже, это я сама!»

– Вправду? – спросила Чандра, с надеждой взглянув на нее.

– Вправду? – спросила и Крыса, взглянув на нее с сомнением.

«Вправду ли? – спросила самую себя Кайя, заглядывая в собственную душу. – Ну... да».

Да, чувства вернулись. Вернулись – в виде желания стать частью чего-то большего. Доказать самой себе, что она – не просто вор и наемный убийца. И даже не просто из рук вон скверно подготовленная глава гильдии. Она может стать той, кого Мультивселенная призовет на помощь, когда где-нибудь вновь приключится беда. Может стать... Стражем. Это чувство пришлось ей по нраву, и Кайя решила дать ему волю.

«Если, конечно, меня... э-э... примут».

– От совершенства я далека...

– Как и каждый из нас, уж поверь, – перебил ее Джейс. Враска насмешливо фыркнула, но Кайя стояла на своем:

– Я была вором и наемным убийцей. У меня есть собственный моральный кодекс, но первая его заповедь всегда гласила: «Следи за собственной задницей». Я обладаю способностью становиться бестелесной и беспрепятственно, не зная преград, проникать сквозь все вещное. Такова, в буквальном смысле слова, моя сила, однако со временем она отразилась и на моих чувствах. Но и жизнь на Равнике, жизнь убийцы, вора, невольной главы гильдии и, пожалуй, еще бо-

лее невольного воина, не прошла без следа. Биться плечом к плечу с вами, ребята, для меня было честью. Самым страшным, но и самым лучшим, что только сделала я в своей довольно причудливой жизни. Ну, а то, что совершила сегодня Стража... – Кайя бросила взгляд на обгорелую кирасу в руках Аурелии. – То, чем вы сегодня пожертвовали... Да, банально звучит, но это действительно воодушевляет. Так что, если вы меня примете, я буду рада. И хочу, чтобы все вы знали: случись где беда – только позовите, и я встану в ваш строй.

– Что ж, нам это нравится, – сказала Чандра.

– Я – «за», девочка, – сказал и Аджани, обнажая в ухмылке леонинские клыки.

Остальные Стражи – Джейс, Тефери и Нисса Ревейн – кивнули, выражая согласие.

Тогда Кайя глубоко вдохнула, расправила грудь и подняла правую руку, дабы принять Клятву. Возможно, как символ того, что может предложить, она придала руке призрачный облик (кисть сделалась полупрозрачной и мерцала неярким пурпурным светом), а после задумалась. Что же нужно сказать? Сегодня, немного раньше, когда еще никто не знал наверняка, чем кончится битва с драконом, она слышала, как приносили Клятвы шестеро Стражей, считая и Гидео-на. Каждый из них говорил нечто свое, но основная мысль, основной мотив у всех был един.

– Я обошла Мультивселенную, – заговорила она, – помо-

гая мертвым... э-э... уйти окончательно и этим служа живым. Но то, что я видела здесь, на Равнике, за последние пару месяцев, а особенно – за последние пару часов, изменило все, что я прежде, казалось бы, твердо знала. С прошлым покончено. Отныне, ради живых и мертвых, я буду стоять на страже.

«Вот так. Пожалуй, неплохо вышло».

Чувствуя нечто вроде гордости, она обернулась и улыбнулась Тейо с Крысой. Девчонка широко улыбнулась в ответ, но Тейо, не отрываясь, следил за спускавшимся с неба драконом. Нет, разумеется, не Боласом. То был Нив-Миззет Огненный Разум, совсем недавно возродившийся к жизни и ставший Воплощением Договора, таинственного соглашения, связавшего десять гильдий Равники между собой. Спустившись, он обменялся с Джейсом, бывшим Воплощением Договора, парой слов насчет передачи власти, но Кайя к ним не прислушивалась. Она не отрывала глаз от Ниссы Ревейн, склонившей голову над одной из множества трещин в мостовой. Эльфийка смежила веки, глубоко вдохнула, и меж расколотых в битве булыжников поднялся росток, быстро разросшийся в деревце с огромными зелеными листьями.

Нисса кивнула Чандре. Поняв по наитию, без слов, что от нее нужно, пиромантка осторожно сорвала с деревца три самых крупных листа.

Под взглядами остальных обе вместе с Аурелией любовно обернули листьями доспех Гидеона.

Покончив с этим, Аурелия отдала сверток Чандре, а та, с Джейсом и Ниссой по бокам, возглавив торжественную процессию, двинулась в сторону ликующей (и скорбящей) толпы. Горюющая Аурелия проводила их взглядом, но следом не пошла, хотя большая часть мироходцев предпочла присоединиться к Чандре.

Кайя тоже шагнула за ними, но Рал тронул ее за плечо и взглядом дал знак подождать, а Тамик придержал на месте Враску, тронувшуюся за остальными. В ответ та кивнула и крикнула Джейсу, что разыщет его позже.

Остановившись рядом с Тейо и Крысой, Кайя вскоре обнаружила, что вокруг – не то чтобы вовсе случайно – собрался совет из представителей всех десяти гильдий. Ее догадку немедля подтвердил Огненный Разум:

– Как новое Воплощение Договора я посоветовался с представителями каждой из десяти гильдий.

Кайя невольно отметила, что с нею он не советовался, хотя гильдию Орзовов ныне – не то чтоб по собственной воле – возглавляла она. С этой мыслью она бросила взгляд на своего адъютанта, Тамика, и тот кивнул, подтверждая Нив-Миззетову правоту. Оставалось только гадать, советовался ли дракон с ним, или пошел напрямиком к бывшей начальнице Тамика, Тейсе Карлов, у коей насчет Синдиката имелись собственные мысли и планы.

– Все мы, – продолжал Нив-Миззет, – сошлись на том, что известные особы – те, кто сотрудничал с Николом Боласом, –

должны понести наказание.

Горгона Враска, царица Роя Голгари, вострепнулась, глаза ее засияли волшебным огнем.

– Не тебе меня судить. И не тебе подобным.

– Тебя уже осудили, – непреклонно, но без угрозы ответила ей Лавиния, действующая глава Сената Азориусов. – Однако твои сегодняшние действия смягчают приговор.

Тут вперед выступил Рал, новый глава Лиги Иззетов.

– Болас, – обычно несвойственным ему примирительным тоном заговорил он, – ввел в заблуждение и использовал в своих целях не только тебя. Точно та же вина лежит и на нас с Кайей. Возможно, мы осознали ошибку раньше, чем ты, однако ссоры с союзницей не желаем. Особенно с союзницей, готовой подтвердить верность Равнике и собственной гильдии делом.

Взгляд Враски вовсе не сделался менее подозрительным и настороженным, но свет в ее глазах угас.

– Я слушаю.

– Сегодня, – заговорила Аурелия, глава Легиона Боров, – на Равнике погибли сотни, а может, и тысячи разумных существ. Подобных актов террора нельзя оставлять без наказания. Трое из нас сделали все, что в их власти, помогая дракону и поощряя его злодеяния. А именно: Теззерет, Довин Баан и Лилиана Весс.

– Но разве Лилиана... – начал было Тейо.

– Весс, – перебил его Ворел, биомант из Ассоциации Си-

миков, – слишком поздно сменила сторону. Только после того, как послужила непосредственной причиной большей части резни.

– И все трое – мироходцы, – заметил Лазав, глава Дома Димиров. – Нам до них не дотянуться. Но вот вы – вполне сможете.

Такой оборот пришелся Кайе не по душе.

– О чем именно ты просишь?

– Рал Зарек, – внес ясность Огненный Разум, – уже согласился отправиться в погоню за Теззеретом. Враска, тебе в наказание за былые грехи вверяется казнь Довина Баана. А тебе, Кайя, десять гильдий желают проучить убийство Ли-лианы Весс.

Часть первая. Уцелевшие

Глава вторая. Лилиана Весс

Лилиана Весс, спотыкаясь, ковыляла через трясины Калиго, направляясь примерно туда, где лежал в руинах дом ее детства.

«Потому что – куда тут еще подашься?»

Настала ночь. Низко повисшая над горизонтом луна проливали на землю не слишком много света, и разум Лилианы тоже накрыла тьма. Мысли мешались, путались, превращались в мрачный лабиринт, воистину – в место бедствия...

«Совсем как развалины Площади Десятого Района».

Вспомнилась Равника. Вспомнился собственный шепот: «Убей. Прикончи». Вспомнилось, как она утирала слезы, всем сердцем радуясь, что способна пролить их. Затем ей вспомнилось, как она гонит все чувства прочь: для жалости к самой себе было не время. Чувства... Даже сейчас Лилиана подавляла их без пощады – безжалостно, непреклонно теснила в самую глубину души все самое человеческое, что в ней еще оставалось.

«Спокойно. Чувства тебе сейчас не помощники».

Нет, она не станет делать вид, будто покинула Равнику из чувства вины или стыда. Она ушла, так как оказалась в опас-

ности.

«Да, так оно и было. Инстинкт самосохранения, не более».

Стража и прочие так называемые герои Равники начали уничтожать армию Боласовых Вековечных. Лилиана понимала: вскоре эти герои явятся и за ней – пусть самой подневольной, однако и самой заметной из ближайшего окружения Боласа.

«Им и невдомек, чем Болас меня удерживал. Они не вправе, не вправе притворяться, будто на моем месте поступили бы по-другому».

Во власти минутного непокорства она, точно разозлившаяся девчонка, пнула ближайший камень – и промахнулась. Потеряв равновесие, некромантка крепко ушибла плечо о поникшее дерево. А когда оттолкнулась от него, сучок, зацепившийся за подол, разорвал платье.

«Ну вот, довольна? Платье испортила. Если уж тебе очень нужно над чем-то поплакать, над ним и плачь! Только не смей плакать о...»

Нет. Оправдываться она не станет. Человеческим существом ей быть вовсе не обязательно, но, кто она ни будь, по крайней мере с самой собой, насчет самой себя, Лилиана будет честна. Она сделала выбор, приняла решение убивать по приказу Боласа, дабы спасти свою жизнь.

«Выбор вполне разумный. А то, что он правилен, никто и не говорит».

Лилиана с трудом шагала вперед. Зачем она явилась сю-

да? О том, как покидала Равнику, помнилось смутно. Сознательного решения отправиться на Доминарию не припомнилось вовсе. Однако в силу каких-то неведомых, необъяснимых причин она вернулась в имение Дома Вессов – туда, где родилась и росла...

«Туда, откуда моя жизнь отправилась в странствие через Девять Преисподних!»

Опершись на поникшее дерево, склонившее ветви к воде, она внезапно обнаружила, что держит в ладони дремлющий Камень Души Боласа, и потрясенно уставилась на него. Гладок, формой подобен яйцу, шелковисто блестит, а цвет... серебряный. Нет, золотой. Различить его цвета не удавалось никак – цвет словно бы менялся, стоило только повернуть камень другой стороной. Вдобавок самоцвет был куда тяжелее, чем мог бы показаться с виду. Прежде он постоянно парил в воздухе, а может, держался на чем-то меж Боласовых рогов. Многие годы Лилиана считала его простым украшением, декоративным элементом, не менее и не более. Как оказалось, с помощью этого камня дракон поглощал Искры, собранные с тел умирающих мироходцев.

«Искры, собранные для него мной».

Но отчего Камень не исчез, не разрушился вместе с драконом? Как он попал к Лилиане? Она совершенно не помнила, чтоб подбирала его там, на Равнике...

«Да и зачем мне было его подбирать? Как сувенир на память о чудесных временах рядом с Николом Боласом?»

Зашвырнуть бы его в болото, да поглубже... вот только сил не осталось даже на это.

«Ну, так разжать руку, и дело с концом. Пусть себе тонет».

Но, разумеется, бросать камень она не стала. Ведь он имел потенциальную ценность, хранил в себе потенциальную мощь, а мощью Лилиана Весс не разбрасывалась. Напротив, копила ее. Все это знали. Все в это верили.

«Кроме разве что Бифштекса».

Нет, Гидеон Джура в это не верил. Он верил... он верил в нее. Или, во всяком случае, в ее задатки. В способность стать не просто идеалом своекорыстия и стремления к власти, репутацию коего она столь деятельно холила, лелеяла и возвращала всем напоказ.

«Разумеется, это доказывает лишь то, что Гидеон Джура глуп. Был глуп».

Но в эту минуту память о нем затмила для Лилианы всё.

«На этот раз, Лилиана, я героем стать не смогу, но ты сможешь», – сказал он.

«Сделай же так, чтобы это не оказалось напрасным», – сказал он.

Все это он сказал, умирая. Умирая, дабы спасти ее жизнь. Лилиана всегда относилась к Гидеоновой вере в нее так цинично... Да что она такого сделала, чем ее заслужила? «И что такого сделал он, чем доказал, что разбирается в чужих характерах?»

Посему – да, после его гибели, после того, как он уже не

сумел бы узнать, не окажется ли его смерть напрасной – и чего будет стоить ей – она попыталась почтить его самопожертвование победой над Боласом. Попыталась – и победила.

«Верно, победила. Это сделал не ты, Гидеон. Это сделала я. Никол Болас уничтожен мной, Лилианой Весс. Ты видел, как я одолела его ради тебя, Бифштекс? Видел?»

Сама она в эту минуту не видела перед собой ничего, кроме последней улыбки Гидеона, ужасающей и прекрасной. Разве что его пепел, подхваченный и унесенный ветром после того, как он принял на себя предназначенное ей проклятье. Да, она помнила эту улыбку, помнила пепел, но, хоть убей, не могла вспомнить лица Гидеона – лица человека, которого считала все равно что братом.

«В точности то же и с Джозу. Отчего же я не могу вспомнить их лиц?»

С этими мыслями она шла и шла, осторожно нащупывая под ногами твердую почву.

«Но твердой почвы нет. Этот ублюдок Гидеон вместе с еще большим ублюдком Боласом украли, выдернули саму почву у меня из-под ног. Кто я теперь? Кто такова Лилиана Весс?»

В эту минуту она ненавидела их. Обоих. Почти в равной мере. Почти...

«А как же с Джейсом?»

Ведь в тот день он пытался убить ее – пытался убить, пока

она еще служила Боласу, пока посылала его Вековечных убивать жителей Равники, пока посылала его Вековечных добывать для дракона Искры мироходцев. Однако, когда все это кончилось, Джейс телепатически, мысленно дотянулся до нее, и вовсе не в гневе – с заботой. И после всего, что она сделала, после того, как даже Гидеону позволила умереть вместо нее, его сочувствие оказалось невыносимым. Ярость – дело другое, ярость его она поняла бы и пережила. А вот сочувствие... его сочувствие едва не уничтожило, не сокрушило Лилиану на месте.

«Какое он имел право сочувствовать мне?!»

– Как же все это нелепо!!! – прокричала она болоту.

Даже собственный голос прозвучал слегка не так. Сдавленно. А может, попросту нереально. Фальшиво. Ведь теперь она стала вовсе не Лилианой Весс – по крайней мере, знакомой, узнаваемой Лилианой. Остановившись, она взглянула вниз, на собственное отражение в неподвижной воде.

– Волосы растрепаны. И когда же я платье успела порвать? А грязи, грязи-то сколько...

Не следить за внешностью – это было совсем на нее не похоже. Лилиана попробовала было сплести заклинание и почиститься, но магия не действовала. А все потому, что сосредоточиться в должной мере не удалось, и это тоже было совсем, совсем не в ее духе.

«Итак, может быть, я – вовсе не Лилиана Весс. Может, я – просто подделка, либо иллюзия, созданная Джейсом Беле-

реном. Грязная, жуткая, коварная ведьма, какую он всегда представлял себе прячущейся под маской женщины, перед коей не мог устоять. Вот, значит, кем я была – и кто я есть – для него? А кто для меня такой Джейс Белерен?»

Он был человеком, которого она использовала, которым манипулировала – ради любовных утех, ради власти, ради освобождения от демонов, державших ее в плену.

«И это все, чем он был, верно? ВЕРНО?!»

Нет. Где-то там, в глубине души, рядом с человечностью, погребенной как можно глубже, она понимала: все это ложь. В глубине души она действительно его любила.

«Если допустить на минуту, что я знаю, как это делается».

От этой мысли Лилиана расхохоталась в голос. Собственный смех показался ей ледяным, мертвым.

«Была ли любовь хоть когда-нибудь одной из моих целей?»

И снова – нет. Десятилетиями трудилась она, храня свою молодость, дабы укрепить силу и власть, дабы завоевать свободу. Никакой любви на повестке дня не значилось сроду. И, разумеется, ужасающе комичная ирония положения состояла в том, что теперь Лилиана добилась всего, чего когда-либо хотела, но цена оказалась столь высока, что с самой собой ей более не ужиться.

«Как будто у меня имеется альтернатива...»

И в этот самый миг она снова споткнулась. Только на сей раз упала в глубокую воду и тут же погрузилась в нее цели-

ком. И отчасти была этому рада.

«Вот тебе и альтернатива. Останься здесь, под водой. Не противься. Иди ко дну».

Ирония положения не укрылась от нее и на этот раз. Ну, не смешно ли? Она почти готова покончить с жизнью после того, как положила столько сил и погубила столь многих ради сохранения при себе всего, от чего вот-вот, еще чуть-чуть – и откажется!

«Так, может быть, это и есть заслуженный мною конец? В болоте, менее чем в дне пути от отцовского дома...»

Но если уж умирать, то умирать лицом в грязи Лилиана не собиралась. Платье насквозь пропиталось водой, отяжелело, тянуло книзу. Не без усилий ей удалось перевернуться на спину. Должно быть, луна успела подняться повыше: теперь ее сияние пробивалось даже сквозь болотную муть. Тогда Лилиана закрыла глаза. Дыхание она еще сдерживала, но знала: скоро, очень скоро придется выдохнуть. Невольно выдохнув, она вдохнет воду, позволит ей заполнить легкие, утратит плавучесть и пойдет ко дну. Быть может, через две-три сотни лет какой-нибудь археолог, отыскав ее кости, восхитится совершенством их – вернее, совершенством ее – пропорций. Затем археолог с коллегами начнут спорить о возрасте своей находки во время гибели, однако она никаким научным озарениям не поддастся. Так и останется загадкой на многие века... Мысль эта казалась весьма привлекательной.

«Я это как-нибудь переживу», – с улыбкой подумала Лилиана, в последний раз открывая глаза, чтобы в последний раз взглянуть на лунный свет.

И тут ей на миг показалось, будто там, на берегу, появился некто – стоит, смотрит вниз, на нее. Фигура в белом? Или, быть может, фигура... окруженная белой аурой неуязвимости?

«Гидеон! Это же Гидеон!»

Лилиана забарахталась, забилась в воде, изо всех сил рванулась к поверхности, чтобы увидеть его, отыскать, объяснить с ним раз и навсегда. Чтобы заставить его сказать. Кто. Она. Такая! Платье тянуло вниз, воздуха не хватало – но все это не значило ровным счетом ничего. Только бы снова увидеть Бифштекса живым...

Вынырнув из воды, она жадно втянула ртом воздух и выбралась на отмель, а там уж сумела подняться и оглядеться. Где он? На какой-то безумный, безумный миг ей почудилось, будто эта белая фигура – здесь, рядом, среди деревьев. Грязная илистая вода текла со спутанных волос, заливая глаза, так что пришлось моргнуть – да не раз, дважды.

– Гидеон? – прошептала она.

«Но нет. Нет здесь никого. Разумеется, рядом нет ни души. А тем более – Гидеона Джуры. Он мертв. Ты это знаешь. Ты собственными глазами видела, как он обратился в пепел. Как умер, спасая тебя. Спасая тебя... ради этого».

Мсть Гидеона... Что ж, он ее заслужил. А Лилиана, раз

уж поднялась на ноги, с тем же успехом могла продолжать путь. И посему, жалкая, вымокшая до нитки, без всяких осмысленных на то причин двинулась дальше, к дому, почти не замечая воронов, собирающихся вокруг...

Глава третья. Тейо Верада

Совет десяти гильдий продолжался своим чередом, а Тейо напряженно вглядывался в двенадцать еще более напряженных лиц. К этому времени он успел запомнить каждого из правителей, вплоть до названия гильдии и титула. Забавно... Недавно он провел целых четыре дня в Оазисе и никого из встреченных там по имени вспомнить не мог. А вот в Равнике не прожил еще и дня, но уже выучил всю местную политическую геометрию и может наизусть перечислить большую часть имен тех, кто составляет ее орнамент.

Десятеро мировых лидеров – ведь разве не они на самом-то деле сообща правят Равникой? – очевидно, не думая, будто Кайя всерьез приняла клятву Стража перед самым началом совета, дожидались, когда же Стражи отойдут подальше, покинут пределы слышимости, дабы без помех обсудить планы покушений.

Тейо все это очень не нравилось. Конечно, ни с Бааном, ни с Теззеретом он не сталкивался и причин сомневаться в том, что они сотрудничали с драконом и заслуживают наказания, не имел, но и доказательств их вины не видел. А ведь даже аббат Баррес, державший монастырь, где вырос Тейо, в ежовых рукавицах, не стал бы наказывать послушника без доказательств или признания вины! Быть может, у гильдий имелось и то и другое, но тогда зачем такая секретность? И –

как же насчет Лилианы Весс? Да, она командовала Вековечными Боласа, чем принесла смерть многим и многим. Однако погибших было бы куда больше, не обернись она против Боласа и не уничтожь его. По самой меньшей мере, Лилиана заслуживала возможности объясниться, не так ли?

«И все же правители Равники предпочитают послать Кайю втайне убить ее?»

Эта несправедливость не давала Тейю покоя. Не давала, и все тут. Однако стоило ему раскрыть рот, Ворел немедленно поставил его на место. Таким образом, для возражений явно было не время. По счастью, Кайя непременно его выслушает. С нею он сможет – и должен – поговорить о своих сомнениях позже.

Тем временем Кайя завела речь о проблемах не столь философских:

– С тех пор, как Весс покинула Равнику, прошел не один час. Баан ушел еще раньше, а Теззерет – даже прежде него. Затруднений не видите?

– Они не мироходцы, – пояснила Враска. – И не понимают, как это... устроено.

– Так просветите нас, – предложила Аурелия.

– Мироходец может отправиться за другим мироходцем по горячим следам, – ответила Крыса.

– Ключевое слово – «горячим», – подчеркнула Враска.

Кайя согласно кивнула.

– Ну, а сейчас времени прошло столько, что добычи нам

уже просто не выследить – если даже мы согласимся пуститься в погоню.

Огненный Разум устремил пристальный взгляд на Рала.
– А что с проектом «Клоп-Громовержец»?

Что такое проект «Клоп-Громовержец», Тейо понятия не имел, и, судя по лицам почти всех окружающих, был в этом вовсе не одинок. Даже Крыса, неисчерпаемый источник информации об этом мире, в ответ на его вопросительный взгляд только плечами пожала.

Рал покачал головой.

– Проект был встроен в Маяк, успешно поврежденный мною не далее как сегодня. Баан и Весс ушли уже после этого. И даже если нам удастся восстановить данные о Теззере-те, они покажут только одно – что он отправился на Амонхет. А от Самут и Карна мы знаем, что и Амонхет он покинул уже не один час назад. Так что в эту минуту он может оказаться в любом уголке Мультивселенной.

– Значит, задача попросту требует нестандартного, инновационного решения, – гневно нахмурился Нив-Миззет.

Тут, в свой черед, гневно сдвинул брови Боруво.

– Слова истинного мага гильдии Иззетов... но не Воплощения Договора, коему вверено представлять интересы всех гильдий в равной мере!

Огненный Разум шумно выпустил из ноздрей облако дыма.

– Обещаний усвоить новый лексикон, чтобы приглажи-

вать взъерошенные перышки, я не давал. Почувствуешь, будто интересы Селезнии мною представлены несправедливо и недобросовестно, вот тогда можешь жаловаться.

Вне всяких сомнений, последнее заявление «взъерошенных перышек» отнюдь не пригладило. Напротив, породило град возражений почти со всех сторон.

Не в силах уследить за нитью разговора, Тейо внезапно почувствовал, что жутко устал. Без сна он провел два дня кряду – день на Гобахане, да еще день на Равнике, и дни эти принесли с собой куда больше восторга, переживаний и напряжения сил, чем любые два года всей остальной его жизни. Невольно зевнув, он едва сумел поднять руку, чтобы прикрыть рот.

– Тебе с нами скучно, мальчик? – рявкнул Ган Шокта, не на шутку рассерженный громкой перебранкой с Огненным Разумом.

– Нет, сэр, я...

Но тут вперед выступила Крыса.

– Где твоё воспитание, отец? Тейо такого не заслуживает. Ты же знаешь: сегодня он спас тебе жизнь. Дважды.

Но Ган Шокта словно и не заметил дочери, предоставив способствовать примирению Кайе.

– Все мы страшно устали, – заметила она.

– С утра соберемся и продолжим, – согласился Нив-Миззет, бросив взгляд в сторону процессии возвращавшихся к ним мироходцев, а после взглянул на Лавинию. Та согласно

кивнула.

– Встретимся у резиденции Сената Азориусов, – предложила она. – Через час после рассвета.

Ответом ей был общий – пусть порой и неохотный – ропот согласия.

Тогда Огненный Разум обратился к горгоне:

– Тебе, царица Враска, пожалуй, следует воздержаться от пересказа сей дискуссии моему предшественнику.

Сегодня Тейо видел Враску с Джейсом целующимися. Теперь на лице горгоны явственно отразилось нежелание скрывать что-либо от человека, очевидно, настолько ей дорогого.

Похоже, заметил это и Рал Зарек.

– Возможно, – предложил он, – сегодня ночью тебе лучше не видеться с Белереном...

– Как и с кем я провожу ночи, Зарек, дело вовсе не твое.

– Разумеется, не мое. Однако к чему предоставлять магу разума возможность прочесть твои мысли?

– Этого Джейс делать не станет. По крайней мере со мной.

Словно затем, чтоб доказать свою правоту, она вызывающе отошла прочь, пересекла растрескавшуюся мостовую, протиснулась сквозь толпу ликующих и скорбящих, подошла к Джейсу Белерену и взяла его за руку.

Казалось, это послужило сигналом к завершению совета. Как только собравшиеся разошлись, Кайя повернулась к Тейо с Крысой.

– Отчего бы вам обоим не отправиться со мной в Орзову?

Только на одну ночь. Сможем помыться. Поесть. Поспать.

Тейо покосился на Крысу. Быть может, она предпочтет последовать за отцом, важно удалившимся восвояси без нее. А если она решит провести ночь с семейством Шокта, ему, пожалуй, лучше пойти с ней.

Но Крыса ответила:

– А что, по-моему, здорово.

Неверно поняв колебания Тейо, Кайя тронула его за плечо.

– Понимаю, – сказала она, – тебе, должно быть, не терпится вернуться на Гобахан.

– На самом деле, спешки тут никакой, – отвечал Тейо, подавляя еще один невольный зевок.

– Понятно. Устал настолько, что о странствиях меж миров и думать пока что не хочется.

– Да я даже не знаю, что об этом думать. У меня получилось всего один раз – и то случайно.

– Не тревожься. Обещаю, утром мы доставим тебя домой.

Но Тейо тревожился не столько о возвращении, сколько из-за Крысы. В то время как Кайя обещала вернуть его назад, он наблюдал за нею и видел, что Аретия с тоской опустила взгляд, а глаза ее чуточку утратили блеск...

Глава четвертая. Джейс Белерен

Пройдя Площадь Десятого Района от края до края, они повернули назад. Чандра по-прежнему прижимала к груди обгорелую кирасу, и всюду, куда бы они ни направились, жители Равники всех размеров и видов, любого пола, из любых гильдий, склоняли головы, чувствуя Гидеона Джуру. Почтить его память — его подвиг и личность — да, это было вполне уместно. Именно на Гидеоне и держалась вся Стража.

«А без него...»

Без него Джейс больше не был уверен ни в чем: может статься, никакой Стражи уже вовсе не существует.

«Конечно, друг другу мы останемся верны всегда — но Мультивселенной?..»

Цена победы казалась слишком, слишком уж высокой.

«Отчего я никогда прежде не замечал, что Гидеон — лучший мой друг?»

Невдалеке, беседуя с Нив-Миззетом и прочими главами гильдий, шла Враска. Нет, ни ей, ни Ниву Джейс не завидовал. Наоборот, искренне радовался, что его дни в роли Воплощения Договора подошли к концу.

— Значит, договорились? — сказал Аджани. — С утра отправляемся на Терос, почтить память друга.

Джейс, Чандра, Нисса, Тефери, Карн, Сахили, Джайя, Аджани и Уатли дружно кивнули или согласно забормотали. Но

отчего Уатли тоже хочет отправиться с ними? Ведь она познакомилась с Гидеоном только сегодня утром...

«Впрочем, кто я такой, чтобы отказывать ей? Проклятье, Гидеон заслуживает всех почестей, какие только возможны! Да что там почести, он заслуживает куда большего, но большего у нас для него, пожалуй, что и нет».

С этими мыслями он поднял взгляд к вершине Цитадели – туда, где погиб Гидеон. Погиб, спасая жизнь Лилианы, чтоб Лилиана смогла спасти Мультивселенную.

– Послушайте, – не слишком охотно заговорил он, – мне... как-то не по себе. Тревожно за Лилиану.

– Это что, шутка? – зарычала Чандра. – Лично я никак не пойму, отчего бы мне не выследить и не прикончить ее! Ведь это она отняла у нас Гида!

Джайя Баллард помрачнела.

– Так вот, кто ты такая, дитя мое? Убийца?

– Я не дитя. И жизни лишила уже многих.

– Хладнокровно и равнодушно? – уточнил Аджани.

– К этому я равнодушной остаться не могу.

Тефери задумчиво почесал подбородок.

– А мне до сих пор неясно, что произошло. Лилиана Весс лишила Гидеона жизни собственной рукой?

– Нет, – отвечал Джейс. – Не совсем. По крайней мере, я так не думаю.

– А что же думаешь? – пророкотал Карн.

– Как Лилиана обратилась против Боласа, мы с вами ви-

дели все, – начал Джейс.

– Только на день позже, чем следовало, – уточнила Сахили. – А перед этим собственными руками погубила не одну тысячу жизней.

– Да, верно, – согласился Джейс. – Но вот о чем я догадываюсь. Вы все это видели. Она исчезала, таяла на глазах. Обращение против дракона в буквальном смысле губило ее. Однако остановить Боласа могла только она одна. По-моему, Гидеон это видел. Сознавал.

– И потому даровал собственную неуязвимость ей, – негромко, скорее самой себе, чем прочим, сказала Нисса.

– А взамен принял губившее ее проклятие на себя.

– И она это допустила? – язвительно спросила Чандра.

– Может быть. Не знаю. Знаю одно: когда все завершилось, я дотянулся до нее – телепатически. И почувствовал ее муки. Противоречивые чувства. Чувства, которых она сама не в силах была понять.

– Ты, Джейс, всегда питал к этой женщине слабость, – буркнул Аджани.

– Вправду? Ты всерьез так считаешь? Разве не вы все обвиняли меня в том, что я к ней слишком строг?

Чандра отвела взгляд. Действительно, она много раз обвиняла Джейса именно в этом.

– Возможно, ты был насчет нее прав. Возможно, мы все ошибались.

– Возможно. Но... Послушайте, мне вовсе не по душе

быть ее адвокатом. Не тому я, понимаете ли, обучен. Я просто думаю, что ситуация с нею может оказаться сложней, чем мы думаем. Так вот, нельзя ли учесть хотя бы это?

– Джейс, – прошептала Чандра, – когда-то я любила ее, точно родную сестру. А она предала нас всех.

За этим последовало недолгое молчание, во время коего Джайя упорно не сводила испытующего взгляда с Чандры, своей протее, и, наконец, та сказала:

– Что именно ты, Джейс, предлагаешь?

– Я... сказать откровенно, не знаю. Может быть... может, нам следовало бы отыскать ее и, по крайней мере, выслушать. По-моему, в ней что-то... надломилось.

Тут Чандра подняла взгляд на Джейса.

– И не в ней одной.

– Спешить с решением ни к чему, – заговорила Джайя, взяв Чандру за руки. – За ночь нам все равно ничего не сделать. Мы даже не знаем, где ее искать, а утром нас ждет важное дело.

– Это точно, – поддержал ее Аджани. – Как быть с Лилианой Весс, вполне можно решить после поминовения. Идет? – спросил он, взглянув в глаза Джейса.

– Конечно.

– Наверное, нам всем просто нужен отдых, – сказала Уатли. – Отдых и время, чтоб разобраться в собственных мыслях.

– Только не здесь, – подал голос Тефери.

– Верно, не здесь, – согласилась Чандра. – Мне Равника уже до смерти надоела. Приглашаю всех с собой, на Каладеш.

– Мне надо бы кое-куда наведаться, – сообщил Карн.

– Твое «кое-куда» и до завтра вполне подождет, – возразил Тефери. – Думаю, ночь в общей компании всем нам пойдет на пользу.

Карн призадумался... однако согласно кивнул.

– Значит, на Каладеш, – подытожил Аджани. – Всего на одну ночь, до утра.

Тут Джейс краешком глаза заметил, что Враска, отколовшись от Нива и прочих, кратчайшим курсом направляется прямо к нему.

– Я собираюсь остаться, – сказал он. – Давайте встретимся на рассвете, на этом же самом месте. А отсюда сообщая отправимся на Терос.

Ответом ему послужили несколько кивков, однако никто не проронил ни слова. На глазах Джейса все остальные покинули Равнику – Джайя с Чандрой скрылись в ослепительных вспышках пламени, за ними с резким металлическим скрежетом исчез Карн, Аджани окутался золотым ореолом и был таков, а Тефери словно бы обернулся синим смерчем, унесшим его прочь. К тому времени, как Равнику покинули Нисса, Сахили и Уатли, Враска подошла к Джейсу и взяла его за руку.

– Насколько я помню, у нас назначено свидание, – сказала она.

– Так точно, капитан. Оловянная улица. Кофе. Книжная лавка.

– Да, ты ведь любишь читать мемуары, записки интересных людей.

– Люблю. А ты, кажется, любишь хроники.

– Люблю.

И оба двинулись вперед.

Какое-то время шли молча, попросту радуясь близости друг к другу. Джейс ясно видел, что некие мысли не дают Враске покоя, однако она об этом не заговаривала, и он решил не любопытствовать – ни попросту, ни с помощью магии разума. Он знал, что у нее имеются свои секреты, но был уверен: вряд ли хоть один из них столь же велик и ужасен, как то, что хранит в тайне он сам. И от нее, и от всех остальных.

А еще Джейс понимал: ему необходимо решить, каким человеком он хочет стать. Многие годы ему препятствовали, тормозили развитие огромные бреши, провалы в памяти, и это сделало его скрытным, молчаливым, стеснительным. Теперь, вернув себе память целиком, он очень хотел бы стать лучше и всей душой надеялся, что рядом с Враской это удастся.

В памяти всплыл их поцелуй – первый их поцелуй, сразу же после битвы. Разом остановившись, он встал перед нею и испытующе взглянул ей в глаза. Будто поняв его без слов, она согласно кивнула. Тогда Джейс, нежно коснувшись ла-

донями ее щек, поцеловал ее снова. Губы ее были так сладки на вкус... То был поцелуй, облегчающий бремя, лежащее на сердце – на сердце Джейса, и, стоило надеяться, на ее сердце тоже.

Враска улыбнулась, он улыбнулся в ответ, и оба вновь двинулись дальше. Храня свои секреты при себе.

– Разве мы не прошли Оловянную улицу минуту назад? – через какое-то время спросил он.

– Прошли, – отвечала Враска.

– И все еще идем вперед.

– Идем, – подтвердила Враска.

– Выходит, кофе отменяется?

– Отменяется.

– А направляемся мы...

– Ко мне. Если ты не против.

Тут Джейс почувствовал, как щеки его залились румянцем.

Враска крепко сжала его ладонь, и оба продолжили путь.

Глава пятая. Лилиана Весс

Уж не пытается ли она не замечать их, этих воронов в небе? Ведь ей точно известно, что означает этот непрестанно растущий птичий комплот. Точно известно, чье появление он предвещает...

Однако ж она изо всех сил делала вид, будто ни сном ни духом об этом не ведает, и продолжала свой все более жалкий, все более скорбный путь через топи Калиго. И причина сему была очень и очень проста.

«Я не хочу его видеть».

Но он явно ничуть не заботился о том, чего ей хочется или не хочется.

«Как всегда».

К преследователям мало-помалу присоединялись новые и новые вороны. Летели вперед, немилосердно садились всей стаей на одинокое дерево, облепляя все его ветви, а стоило ей пройти мимо, дружно взмывали в воздух, чтоб опуститься на следующее дерево, только уж в этот раз еще большим числом. И еще большим – на другое. И еще большим – на третье.

– Не слишком-то ты изощрен, – проворчала Лилиана, зная, что он непременно услышит, даже если вовсе не произносить этих слов вслух.

Еще немного, и все это станет смешным до нелепости.

Захлопав множеством крыльев, вороны (вернее, он) взлетели с одного дерева и опустились на следующее, едва способное выдержать их (его) тяжесть. Увидев это, Лилиана остановилась. Причина тому была довольно проста...

«С какой бы радостью я полюбовалась, как ствол этого дерева переломится надвое и все эти треклятые птицы (то есть он) вымокнут, превратятся в жалких мокрых куриц не лучше меня!»

Дерево угрожающе склонилось к воде. Птицы тревожно закаркали, зашевелились, цепляясь за ветки когтистыми лапами, а Лилиана Весс стояла и ждала, и тут ей в голову пришла неплохая мысль:

«А это может оказаться забавным».

Вскинув руку, она устремила вперед токи магии, потянула из поникшего дерева – из тоненького ствола и множества ветвей – жизнь. Дерево тут же погибло, но Лилиана не отступалась, надеясь, что древесина сделается ломкой, а то и обратится в труху.

«Получается...»

Да, замысел удался. Дерево треснуло, и вороны – хочешь не хочешь – разлетелись кто куда.

Однако довольно было и одного.

Спустившись наземь, одинокий ворон обернулся вторым из ее злейших врагов – Человеком-Вороном, таким же, каким Лилиана помнила его с самого детства. Светлые волосы и борода предельно тщательно острижены, одет с безупреч-

ной опрятностью, хоть и слегка старомодно, в глазах мерцает золотой огонек...

– Все тот же щеголь, после стольких-то лет, – заметила Лилиана (и, судя по тону, то был отнюдь не комплимент).

«А ведь он не просто такой, каким я его помню. Он *в точности* такой же, каким я его помню».

Значит, иллюзия. Или, возможно, оборотень предельно точно выдерживает образ. Так ли, иначе, но она понимала: то, что предстало перед ней, не более реально, не более он сам, чем разлетевшиеся птицы. Сколько бы лет ни прошло, а ей до сих пор неизвестно, как он выглядит на самом деле. Или – кто он на самом деле такой.

«Возможно, я и не желаю этого знать».

– Хотелось бы мне ответить на комплимент комплиментом, – заговорил он. – Но ты на моей памяти хуже еще не выглядела.

– Мне бы не помешала приличная гостиница с подобающими удобствами, – ответила некромантка, изо всех сил стараясь выдерживать образ прежней Лилианы Весс. – Не мог бы ты рекомендовать что-либо поблизости?

«Нет, не дотягиваю».

И он не замедлил подтвердить эту мысль, с прискорбием покачав головой. Выражение его лица яснее слов говорило: «Да ты и держишься так же жалко, как выглядишь». Однако вслух он сказал иное:

– Я пришел заточить твою порядком подзатупившуюся

целеустремленность. Зачем ты плещешься в этой трясине и упиваешься собственным горем? В твоих руках вся мощь, о которой ты когда-либо мечтала, а сама ты теперь свободна и от своих демонов, и от дракона!

– Но не от тебя!!! – пронзительно завизжала она, охваченная внезапной дрожью.

– Это верно, – подтвердил он. – Но я ведь тебе не враг. И никогда не был твоим врагом. Все, к чему я с самого начала стремился, – наставить тебя на путь к совершенству, к высочайшей вершине могущества, которого ты способна достичь. И все еще могу сделать это. И знаю, куда направить тебя дальше. Там есть даже великолепная гостиница. Где ты сможешь вымыться. Снова почувствовать себя собой. От тебя требуется всего лишь прислушаться.

«От меня требуется всего лишь прислушаться. Прислушаться и подчиниться».

Однако предложение было весьма соблазнительным. Ведь Лилиана действительно достигла всех своих целей – пусть даже худшим из возможных способов. Четверо демонов, с каждым из которых она заключила договор – покровительство в обмен на душу, – повержены. Дракон, унаследовавший договоры от них, обращен в прах. Она свободна. Она могущественна. И – хотя еще один быстрый взгляд, брошенный вниз, показал, что ей очень не помешает горячая ванна – по-прежнему молода и прекрасна. Задачи выполнены, цели достигнуты. Очевидная загвоздка только в одном: далее

этих целей она никогда, никогда вперед не заглядывала.

«И что же мне делать теперь?»

Человек-Ворон вновь предлагал ей цель и направление. И пытался представить все так, будто он – этакий благосклонный папаша, а она – ученица, что перед ним в вечном долгу. Вовсе не так, точно она – заряженная пушка, а он – тот, кто наводит дуло на цель.

«Кому же он задумал причинить зло моими руками на сей раз? То есть кому, кроме Лилианы Весс?»

Некромантка понимала, что в нынешнем состоянии особенно уязвима для его махинаций и манипуляций. Также она понимала, что Человек-Ворон попросту хочет воспользоваться ею, по примеру тех самых демонов, а после – Боласа. А еще понимала, что Человек-Ворон может оказаться гораздо, гораздо хуже всех прочих ее врагов...

«Потому что он-то, ублюдок, и направил меня по этому проклятому пути с самого начала».

Глава шестая. Крыса

Бархатный халат, сложенный аккуратным квадратиком у нее на коленях, был самой мягкой, самой роскошной одеждой, рядом с которой Аретии Шокта, то есть Крысе, когда-либо доводилось оказаться. Она никак не могла прекратить гладить его да почесывать, будто бы ожидая, что он вот-вот замурлычет.

Сидела Крыса в до нелепого удобном кресле, напротив окончательно расслабившейся госпожи Кайи, вышедшей из душа закутанной в точно такой же халат. Усевшись в другое кресло, она скрестила под собою длинные ноги и лениво потянулась. Глядя на нее, Крыса решила, что Кайя – одна из самых прекрасных женщин, каких она видела в жизни.

А дело было в одной из башен Орзовы, Собора Роскоши, в салоне личных покоев главы гильдии Орзовов, пышном на грани декаданса – настолько пышном, что Крыса каждые пару минут неудержимо хихикала: ну и расточительность! Вот это да!

– Экая милая норка для Крысы, – пробормотала она себе под нос.

– Хм-м-м? – с тою же ленью промычала в ответ госпожа Кайя.

– Спасибо, что пустила меня... то есть нас переночевать.

– Не стоит. Можешь оставаться здесь, сколько пожелаешь.

Услышав это, Крыса постаралась не дать улыбке померкнуть – не ради себя, ради друга.

Вскоре из туалетной комнаты появился Тейо – с полотенцем на плечах и закутанный в еще один точно такой же халат. Сияя улыбкой от уха до уха, он двинулся по коридору к ним. С его мокрых волос капало, а в руках он держал стопку аккуратно свернутой одежды, перепачканной во время битвы.

– Эта... уборная... просто чудо! – выдохнул он, ткнув пальцем в сторону двери, из-за которой вышел.

– Рада, что тебе понравилось, – с улыбкой сказала госпожа Кайя.

– Нет, ты пойми. Этот... «душ» – штука, придуманная истинным гением. У нас на Гобахане такого нет. Ванны – да. Но душ? Да знаешь ли ты, сколько песку набивается в... в... да всюду набивается... после алмазной и даже слабенькой песчаной бури, и даже просто после того, как перевалишь дюну? Душ изменил бы всю жизнь. И... э-э... туалет. В больших городах, вроде Оазиса, они имеются, но все еще... все еще... Одним словом, канализация в доме – величайшее волшебство, какое я только видел. За всю свою жизнь!

Его восторг был просто восхитителен.

– Твоя очередь, – развеселившись, сказала Крысе госпожа Кайя.

– Когда закончишь, там, на полке, чистые полотенца, – прибавил Тейо. – Целая куча. Огромные, белые и очень мягкие.

– Каких ты за всю свою жизнь не видал? – поддразнила его Крыса.

– Знаю, ты надо мной смеешься, – откликнулся Тейо. – Но – да. Я таких и вправду в жизни не видал.

Крыса вновь захихикала и, миновав его, направилась по длинному коридору к туалетной комнате.

Войдя, она затворила за собой дверь. Нелепо огромная ванная была до сих пор полна пара после того, как Кайя и Тейо принимали душ. Бережно уложив халат на опущенную крышку унитаза, Крыса быстро сбросила одежду и пустила воду. Да, Тейо, похоже, прибывшего на Равнику из какого-то захолустья, дразнить легко, однако, сказать по правде, подобный душ был редкостной роскошью и для девчонки из Кланов Груулов. Осторожно подставив ладонь под струйки, она обнаружила, что вода уже горяча, и приготовилась было шагнуть в кабинку, но тут на глаза ей попалась разбросанная по полу нестиранная одежда. Оглянувшись на аккуратно сложенный халат, Крыса вспомнила о столь же аккуратно свернутой одежде в руках послушника Тейо и внезапно смутилась.

Быстро сложив собственные вещи и сунув их на полку, она призадумалась. Как могло выйти, что за один только этот день ей сделалось стыдно столько раз, сколько за все прожитые годы вместе не наберется? Матери с крестным отцом она стеснялась крайне редко, а уж Гекары – и вовсе никогда.

«А кто – или что – еще может смутить меня, Крысу?»

Однако ж рядом с госпожой Кайей, а особенно рядом с Тейо, это неудобное чувство быстро сделалось привычным и знакомым. Но при этом оно казалось настолько... настолько нормальным, что Аретия им просто-таки наслаждалась! Многие из «нормального» упустила она в своей недолгой причудливой жизни и любые превратности судьбы принимала как должное. А с госпожой Кайей, и особенно с Тейо, ей было необычайно хорошо.

Шагнув в кабинку, она подставила голову под струи воды, закрыла глаза и целиком отдалась ощущениям. До этой минуты она ничего не замечала, но после битвы все тело жутко болело, а горячая вода, струящаяся по коже, очень и очень приятно согревала, размягчала натруженные мускулы.

Однако вскоре Крыса занервничала: не слишком ли она долго? Открыв глаза, девчонка огляделась в поисках мыла.

«Надо же! Сколько здесь мыла, и все разное!»

Ладно. Хорошо. Она вполне понимает, отчего туалетная комната привела Тейо в такой восторг.

Несмотря на все старания, мысли сами собой устремились в сторону надвигающейся разлуки. Тейо вернется на Гобахан, а госпожа Кайя отправится по делам – убивать мисс Весс... Печальная мысль, какой стороной ни поверни. Сама Крыса была не так уж уверена, будто эта мисс Смоляной Локон заслуживает смерти. С другой стороны, Крыса – и Тейо, кажется, тоже – была вовсе не уверена и в противоположном. Во всяком случае, ее несформировавшееся мнение не стои-

ло ни гроша: ведь не могла же она взять да пойти следом за госпожой Кайей туда, где прячется эта мисс Весс! И вообще никуда пойти не могла – ни за Кайей, ни за Тейо. Оставалось только рукой им помахать – и пусть себе идут.

«Пусть идут, и шум тут поднимать ни к чему».

И вдруг просунутая в кабинку рука повернула кран, перекрыв воду.

– Да что с этим мальчишкой такое? – проворчала женщина у самой дверцы кабинки. – В хлеву, что ли, рос? Ну кто же уходит вот так, оставив воду открытой?

Утерев с глаз мыльную пену, Крыса с опаской выглянула наружу и увидела мадам Блез, старшую над слугами главы гильдии Орзовов.

– А это еще чье? – ворчала та, снимая с полки одежду Крысы. – Надо же, сплошь лозами перевито! И как прикажете все это стирать?

Тяжко вздохнув, она вышла, унося с собой вещи Крысы и оставив дверь в ванную распахнутой настежь.

О том, чтоб сказать ей хоть слово, Крыса даже не думала. В свою очередь испустив тяжкий вздох, она подождала, пока шаги мадам Блез не стихнут в дальнем конце коридора, и ненадолго пустила воду, чтоб быстренько смыть с себя мыло.

В другое время распахнутая дверь ничуть бы ее не беспокоила, однако там, в гостиной на том конце коридора, свободно разгуливал Тейо, и потому она быстро схватила халат, по счастью, так и оставшийся лежать на крышке унитаза, и

набросила его прямо на мокрое тело. И только после закрыла и заперла дверь, снова сняла халат да насухо вытерлась полотенцем.

Еще пара минут, и Крыса вышла в коридор, облаченная в промокший халат и вовсе не так очарованная роскошью туалетной комнаты, как Тейо – или она сама считанные минуты назад. Направляясь к гостиной, она услышала голоса госпожи Кайи и Тейо, пытавшихся объяснить мадам Блез, в чем тут дело.

– Даю слово, мадам, я не оставлял воду включенной. Там Крыса была.

– Даю слово, молодой господин, у нас, в Соборе Роскоши, крыс не водится – тем более таких, чтоб краны открывать умели.

– Нет-нет, я о другом...

Ступая потише, Крыса вошла в гостиную как раз в тот момент, когда заговорила госпожа Кайя:

– Мадам Блез, душ принимала наша добрая подруга, которую зовут Крысой – на самом деле она, разумеется, человек.

– Но в душе никого не было, госпожа. Я проверила.

Тогда Крыса, для смеху, прошла прямо перед мадам Блез и слегка помахала ей – чего та, конечно же, видеть не могла.

Крыса оглянулась на госпожу Кайю, и обе обменялись усмешками. После этого она перевела взгляд на Тейо, тара-

щившегося на нее во все глаза. Заметив ее взгляд, он сглотнул и поплотнее запахнул халат на груди. При виде его раскрасневшихся щек Крыса почувствовала, что и ее щеки обдало жаром. Последовав примеру Тейо, она плотнее запахнула ворот халата. Так ей сделалось немножко легче, но Тейо по-прежнему не без труда старался смотреть на что угодно, только бы не на нее. Все это заставляло задуматься...

«Не думает ли он, будто я... симпатичная? Это я-то, с огромными зубищами, крысиным лицом и этими дурацкими, чумовыми волосами, которые приходится стричь самой? Нет, не может такого быть. Просто он так добр, что стесняется за меня».

Тем временем госпожа Кайя продолжала пояснения:

– Крыса обладает уникальным... уникальной особенностью, сообщающей ей незаметность.

Мадам Блез воззрилась на хозяйку с некоторым подозрением.

– Разумеется, госпожа имеет право на причуды, но к чему же сочинять сказки да шуточки шутить, чтоб выставить верную служанку дурой?

– Клянусь тебе, Блез, – со смехом заверила ее Кайя, – я говорю вполне искренне и вполне серьезно. Наша Крыса всю жизнь живет под, спору нет, необычным...

– Проклятием Неприметности, – подсказала Крыса.

– Да, под Проклятием Неприметности. Спасибо, Крыса. Это проклятие делает ее невидимой и даже неслышимой по-

чти для всех окружающих. Мы с Тейо – двое из тех четверых, кто может видеть ее такой, какая она есть.

– Ох, это же... это же просто неслыханно! – ужаснулась мадам Блез. – Бедная... э-э... девочка? – неуверенно закончила она.

– Да, Крыса – девочка, или же девушка. Около...

– Шестнадцати лет, – вновь подсказала Крыса. – Или шестнадцати зим. И шестнадцать весен или осеней, наверное, тоже.

– Ей шестнадцать, – просто сказала госпожа Кайя.

– И у нее это с самого рождения? – спросила сердобольная служанка, смахивая с глаз слезу.

– Да, – таким же упавшим голосом отвечала Кайя.

– Да нет, не так уж все плохо, – сказала Крыса. – Просто такова моя жизнь. У каждого свои трудности. У меня вот такие. О, пожалуйста, госпожа, не надо плакать!

Кайя хлюпнула носом и тоже утерла с глаз пару слез.

– Я не плачу. Не плачу, – пробормотала она, но ведь вроде как плакала же...

– Мы выяснили, что некоторые могут научиться видеть Крысу, если точно сказать им, где она, а они как следует приглядятся, – вмешался Тейо, горя желанием хоть чем-то помочь.

Мадам Блез расправила плечи и даже оправила униформу, и только после ответила:

– Тогда я стану одной из них. Где наша дорогая?..

Госпожа Кайя обняла Крысу за плечи.

– Прямо здесь, под моей рукой.

Служанка склонилась вперед. Пригляделась. Сощурилась. Напрягла зрение... но, наконец, со вздохом шагнула назад и покачала головой.

– Прошу простить меня. Я ее просто-напросто не вижу.

– Тут практика может потребоваться, – пожав плечами, пояснила Крыса.

– Крыса говорит, для этого может потребоваться практика, – повторила госпожа Кайя для мадам Блез.

– Ну что ж, тогда попрактикуюсь. А пока, убедившись, что бедняжка вправду существует, приму это в расчет. И для начала... – мадам Блез взвесила на ладони аккуратную стопку одежды Крысы, – для начала выстираю ее вещи. У меня есть для этого превосходное заклинание: минута – и все будет готово. Только прежде всю эту растительность повытащу.

– Пожалуйста, – поспешно заговорила Крыса, обращаясь к Кайе, – скажи ей: не надо пояс из лоз убирать. Это подарок крестного отца. Он знает: я иногда, проголодавшись, люблю пощипать ягоды, что растут на лозах.

Госпожа Кайя передала ее слова мадам Блез, а та подняла сложенную одежду к самому носу и принялась осматривать пояс.

– Вижу, – сказала она. – Магия Селезнии. Остроумно придумано. Что ж, ягод я ей, конечно, есть не позволю, пока не отмою их как следует, но с этим, пожалуй, управлюсь, не по-

вредив их. Дайте только пару минуток. Скоро я принесу эту одежду назад, и все вы, трое, сможете переодеться к ужину. Ах, да, и выставлю на стол еще один прибор, для госпожи... Крысы, так?

Глава седьмая. Теззерет

Устал он, надо признать, зверски. Ноги вязли в сыпучем белом песке, да к тому же на каждом шагу приходилось бороться со встречным ветром, что делало каждый шаг досадно обременительным – тем более что поврежденный Межмировой Мост в груди протекал, сочился энергией, медленно выжигавшей плоть вокруг. Пешком он никуда не ходил целую вечность, и теперь органические мускулы икр горели огнем. Однако решение одолеть последний отрезок пути пешим ходом было весьма разумным, и Теззерет ничуть о нем не жалел.

Покинув Амонхет, он много раз переходил из мира в мир, прыгая из одного в другой, чтоб выследить его было как можно сложнее. А если все-таки выследят, ему вовсе не хотелось бы, чтобы преследователи появились в его крепости внезапно. Нет уж, пусть вслед за ним окажутся там, на дальнем берегу, где приземлился он, а прежде, чем доберутся до него, так же, как он сам, выбьются из сил. В случае чего он сможет заметить их еще на подходе.

По большому же счету Теззерету совершенно не хотелось, чтобы хоть кто-то – случайно ли, или нет – наткнулся на него либо его оперативную базу. Особенно сейчас. Сейчас, когда помянутая база наконец-то всецело в его и только в его руках, служит его замыслам и более ничьим.

«И уж точно не замыслам этого дракона».

Теззерет служил Николу Боласу верно, поскольку был реалистом и прагматиком. Он служил Боласу потому, что Болас был слишком силен – с таким Теззерету не справиться.

Теперь, благодаря злорадству Тибальта, своими глазами видевшего, чем все кончилось, Теззерет знал: Болас мертв. Вероятно, Тибальт выложил все это Теззерету, дабы порадоваться Теззеретову горю по поводу смерти господина, однако Тибальт ушел разочарованным – ведь радость Теззерета по сему поводу не знала границ. В конце концов, Болас был единственным на всю Мультивселенную существом, чья мощь могла бы помешать бывшему прислужнику. Ну, а если дракона более нет, значит, тех, кто в силах заступить Теззерету путь, попросту не осталось.

С этими мыслями маг подошел к последнему каналу. Достаточно близко. Пора. Вскинув правую руку – безупречную руку из эфирия, – Теззерет пустил вверх простенькую вспышку. Реакция последовала немедленно. Иллюзорные тучи расступились, раздвинулись, точно вырезанные рукой мастера кусочки мозаики, выпуская вперед четверку горгулий. Расправив крылья, горгульи устремились к нему. Все они являли собой оживленный камень, усиленный, как и сам Теззерет, эфирием.

Ну, точности ради, троица тех, что поменьше, состояла из твердого металла почти целиком. Оставшегося живого камня невооруженным глазом было и не разглядеть.

Четвертой же, самой большой из горгулий, был Брокк. Все пять его глаз сияли ярким огнем даже издалека. Его тело было усилено, укреплено и украшено эфирием, однако вся тяжесть и сила каменных мускулов по-прежнему оставалась при нем.

Всего лишь раз взмахнув могучими крыльями, Брокк обогнал троих прочих, приземлился первым и низко поклонился Теззерету.

– Господин, – нараспев протянул он. Голос его скрежетал, точно гравий под каблуком.

Следом за ним подросла вторая горгулья. Эта приземлилась и преклонила колени молча, а со спины ее наземь едва ли не кубарем скатилась всадница – гомункул по имени Кржнтч, невысокое небесно-голубое создание с короткими толстыми ручками и ножками из эфирия и почти шарообразным туловищем. Едва оказавшись на земле, она простерлась ниц у Теззеретовых ног.

– Хозяин, – тоненько пропищала она.

Две прочие горгульи, помня свои обязанности, миновали Теззерета, заложили вираж и приземлились прямо перед ним, лицом туда, откуда явились. Сделав два шага вперед, Теззерет встал на их спины.

– Не будет ли приказаний? – спросил Брокк.

– Будет, и немало. Но с этим можно подождать, пока мы не окажемся дома. Вперед.

– Как прикажешь, господин.

С проворством, весьма необычным для столь шарообразного создания, Кржнтч вновь оседлала свою горгулью, и та взмыла в воздух, указывая путь остальным. За ней, неся на спинах хозяина, последовали горгульи Теззерета. Последним, держась начеку на случай любых возможных угроз, поднялся в небо Брокк.

Расправив плечи и выпрямившись во весь рост, Теззерет неся к резному облачному входу в свою крепость. Лицо его озаряла улыбка, исполненная мрачного, но неподдельного удовольствия. Усталости он больше не чувствовал. Казалось, гибель дракона сняла с его плеч тяжкий груз. Сняла – и переложила на плечи миллиардов других живых существ. Отныне он не слуга никому. Отныне он, наконец-то, главный.

Глава восьмая. Рал Зарек

Под каким же камнем прячется сейчас Теззерет? Эта мысль никак не давала Ралу покоя. Со смертью господина слуга сделался уязвим, и Ралу просто-таки не терпелось разделаться с этим эфириеворукиим уродом раз и навсегда.

Надо признать, довольно кроважанные мысли в то время как принимаешь ванну...

Вода была горяча, а воздух – полон пара, ну а пена... при взгляде на нее в голову невольно приходило слово «роскошна».

Рал с Тамиком удалились, скрылись от всех в апартаментах, арендованных ими на Собачьей площадке, среди тихих, благопристойных улочек, надежно укрытых от всего, хоть чем-то напоминавшего о кипучем ритме жизни Равники, как оба и предпочитали.

Тамик вымылся первым, а затем уступил ванную возлюбленному, и тут уж Рал развернулся вовсю, смывая с себя песок, сажу и – да, кишки, следы двух дней самой страшной битвы во всей его жизни.

Да, они победили, но цена победы оказалась очень, очень уж высока. Слишком много потерь в рядах Лиги Иззетов... В бою погиб Морфикс, а с ним и Тибор, и Конгрев, и Мастив – и это лишь те немногие, о ком Рал будет особо скорбеть и тосковать. Вдобавок погибли тысячи жителей Равники и как

знать, сколько из мироходцев...

А еще в битве пал Гидеон Джура. Рал едва знал его, однако в течение этого невероятно долгого дня успел проникнуться к воину подлинным восхищением. А что чувствуют сейчас близкие друзья Джуры, Стражи... этого он даже представить себе не мог.

Сам Рал, говоря откровенно, чувствовал себя едва ли не удостоенным благословения. Прожив целый месяц с ощущением, будто он едва ли не проклят, маг осознал, что вышел из всего этого жуткого пекла, можно сказать, целым и невредимым. Да, сегодня произошла трагедия в буквальном смысле мирового масштаба. Да, сегодня он потерял немало друзей... но, честно признаться, ни одного из тех, с кем был действительно близок. Кайя осталась жива. Лавиния – тоже. А Враска не просто уцелела, но полностью оправдалась в его глазах. Крокт побери, сам Джейс Белерен жив и вышел из битвы человеком, коего Рал искренне уважает и ценит! И даже Гекара с Нивом, оба погибшие, оба же были чудесным образом воскрешены.

Ну, а важнее любого из них – Тамик, сидящий рядом, в соседней комнате. Если уж быть до конца откровенным, пусть хоть вся Равника сгорит дотла, только бы Тамик оставался с ним.

«Когда же это произошло? Когда этот человек стал для меня целым миром?»

Нет, сложившееся положение Рала ничуть не расстраива-

ло. В глубине души он был даже рад, что способен настолько любить хоть кого-нибудь. После Элиаса он убедил самого себя в том, что сама идея любви – чистое жульничество. И никаким иным допущенным в жизни просчетам не радовался так бурно, как этому.

Мало-помалу вода в ванне сделалась еле теплой. Рал легко мог бы согреть ее, но решил, что и без того достаточно чист и опрятен. Вдобавок ему очень хотелось Тамика. Просто безумно. Немедля.

Выйдя из ванны, он насухо вытерся, обернул полотенце вокруг талии, пригладил ладонью торчащие волосы и покинул ванную комнату, полную влажного пара.

Тамика он обнаружил сидящим за кухонным столом, зарывшись носом этак в шестнадцать сводов законов разом.

– Чем ты, скажи на милость, занят? – со смехом спросил его Рал. – Всерьез штудируешь юриспруденцию? Сегодня? После... всего этого?

– Ищу способ освободить Кайю от обязательств перед Синдикатом Орзовов. Ищу для нее возможность покинуть Равнику и, понимаешь ли, не умереть.

– Я думал, ты хочешь, чтобы она осталась. Думал, тебе она во главе гильдии нравится больше, чем Тейса Карлов.

– Так и есть. По-моему, Кайя могла бы принести Синдикату немало пользы. Однако она – мой друг. Наш друг. Она должна иметь возможность выбора. Остаться здесь против собственного желания ей не годится.

– Исчадие нефилима, ты так добр! Скажи, ты точно из Орзовов?

– Прекрати, – сказал Тамик, покачав головой и закатив глаза.

– Сам прекращай, – откликнулся Рал.

Подойдя к Тамику со спины, он поцеловал его – в макушку, в затылок, в шею, а после, сделав паузу, продолжал:

– Я тоже люблю Кайю, однако ее проблемы можно решить и завтра. Идем в постель.

– Подожди минуту. Самое большее, минут десять. Кажется, я что-то нащупал.

– Тамик, – выпрямившись, проворчал Рал. – Я заведен и притом жутко устал. Прошу тебя, идем в кровать немедленно, пока я не отключился. Хочу тебя. Правду сказать, мне словами не выразить, как мне сейчас нужно побыть с тобой.

– Пять минут.

– Ладно же, – как можно ленивее откликнулся Рал.

С этими словами он снял полотенце, бросил его на кухонный стол перед возлюбленным, развернулся и, не оглядываясь, двинулся к кровати. Либо Тамик оглянется и проводит его взглядом... либо Рал Зарек напрочь утратил былую хватку.

– Две минуты, – пискнул Тамик.

«Ага! Попался!»

– Любимый мой, через две минуты я могу запросто умереть для всего мира.

Сзади донесся скрежет отодвигаемого от стола кресла и негромкое шлепанье босых пяток о паркет.

– Иду...

Глава девятая. Крыса

За ужином в необъятном, строгом обеденном зале Орзовы Крыса ела так, будто копит запасы на зиму, но, едва проглотив очередной кусочек, как обычно, принималась болтать без умолку.

– Мадам Блез такая милая, не находите? Уже три раза пробовала меня разглядеть. То есть из этого ничего не вышло, но она в самом деле старалась. Обычно люди сдаются секунд этак через десять. Вот потому я ее старания и вправду ценю очень высоко, понимаете? И, кстати, вот этот вот сливовый пирог – тоже. Госпожа Кайя, а ты уверена, что вправду хочешь оставить Синдикат?

– Вполне уверена.

– Но почему?

– Понимаешь, Крыса, по собственной воле я на эту работу не подряжалась. Подобная ответственность в чужом, неродном мире мне ни к чему. И это – сверх того факта, что в гильдии мне, на самом-то деле, тоже не рады. Одну попытку переворота я уже пережила. Возможность не пережить следующей – обстоятельство не из приятных.

– Что ж, справедливо, – признала Крыса, снова вгрызаясь в пирог. – Хотя, по-моему, ради такого сливового пирога пару покушений пережить стоит. У твоего кондитера настоящий талант. Уж я-то знаю: сколько сливовых пирогов в свое

время перетаскала... И персиковых тоже. И абрикосовых. И гртлничных, и... да любых, какие только бывают на свете. Уж я в пирогах понимаю. Я за такой пирог, можно сказать, все, что угодно... Нет, погодите, я не о том, конечно...

– Не сомневаюсь, – с усмешкой подтвердила госпожа Кайя, сидевшая во главе стола. – А ты краснеешь.

– Да? Опять? – Крыса поспешно, украдкой бросила взгляд на Тейо. Тот, подперев кулаком подбородок, смотрел на нее и улыбался. – Похоже, рядом с вами, ребята, я то и дело краснею. Клянусь, со мной такого вот не бывало в жизни. Но, если подумать, я никогда еще не проводила столько времени подряд с теми, кто меня может видеть. С самого раннего детства. Даже с Гекарой. Чтобы вот так, целый день – ведь Тейо при мне, понимаете, с раннего утра... А у Гекары всегда находились дела: то с представлением выступить, то поручение от владыки Ракдоса. За эти годы мы с нею уйму времени провели вдвоем, но целый день – никогда. Не то чтоб этот день был веселым... хотя, наверное, признай я, что здорово сегодня повеселилась, среди всех этих бед и всего остального, это было бы ужасно, да? Как по-вашему: это веселье делает горе еще трагичнее, или наоборот, посреди горя все вокруг кажется веселее?

– И то и другое, – с горькой иронией ответила Кайя.

Крыса согласно закивала:

– Именно. Наверное, так мы все вещи в жизни и меряем, верно? Не бывает света без тени. И тени без света – то-

же. А высокорожденных глав гильдий – без низкорожденных Крыс, оживляющих их застолье, понимаешь?

– Да, без такой Крысы и ужин – не ужин, – согласилась Кайя.

– Что ж, тогда я, наверное, останусь. Понимаешь, я ведь всю жизнь живу Безвратной, постоянно торчу на заборе да думаю, к кому, на какую сторону податься – к Груулам, к Селезнии или к Ракдосу. Может, и над Орзовами стоит поразмыслить.

– Пока гильдию возглавляю я, место здесь тебе всегда найдется.

Крыса сглотнула и отвела взгляд.

«Но в этом-то и загвоздка, не так ли? Ты ведь надолго остаться во главе гильдии не рассчитываешь».

И тут Крыса вдруг поняла, отчего так много болтает. О, разумеется, ее характеру это не противоречило, но на сей раз она трепалась не просто от нечего делать. Все ее разглагольствования предназначались для того, чтоб удержаться от слез. Ведь она понимала, чего ждать от будущего, скорого и неизбежного, будто утренняя заря. Вот тогда, оставшись одна, она и наплачется вдоволь.

«А остаться одной в этом городе Крысе проще простого. Даже если пара тысяч человек разом мимо пройдет».

Однако сейчас реветь было вовсе незачем. Потому-то она, высоко подняв голову, и трепалась без умолку, чтоб Тейо с госпожой Кайей не почували, что творится у нее на душе. Что-

бы не принимали решений, основанных на доброте сердца (а Крыса знала: сердца у них добрые, даже слишком). Нет, ей не хотелось влиять на них таким образом. Одна мысль о том, что они вдруг начнут решать, как жить дальше, руководствуясь жалостью к ней, Крысе... нет, лучше уж умереть!

«Встреча со мной – просто забавная история, которую они смогут когда-нибудь кому-нибудь рассказать. Если, конечно, вообще обо мне вспомнят. Однако и то и другое куда лучше, чем стать той, о встрече с кем они пожалеют, верно?»

Тут Крыса увидела, что Тейо сдерживает зевок, и поняла: должно быть, они с Кайей зверски устали. Скоро пора спать. Очень скоро. Ну, а до тех-то пор она точно продержится, сумеет выдержать беззаботный, веселый, ничуть не трагический тон. Конечно, сумеет. Главное – продолжать болтовню.

– Так, значит, ты вправду собираешься убить мисс Весс? – выпалила она.

Кайя ошеломленно округлила глаза, затем нахмурилась и ответила:

– Если нам удастся отыскать для меня способ покинуть Равнику и не умереть, то... да.

– Но ведь она спасла всех нас! – ужаснулся Тейо. – Кайя, ты же об этом знаешь!

Госпожа Кайя сдвинула брови мрачнее прежнего.

– А ты, Тейо, знаешь, сколько народу погибло от рук ее Вековечных?

– Ее Вековечных? Или все же драконовых?

– Какая разница? Вести их на нас ее никто не заставлял.

– Ты в этом так уверена? – с искренним любопытством спросила Крыса.

– Да, Крыса. Выбор есть у каждого. Конечно, одна из альтернатив может оказаться исключительно неприятной, но это не значит, будто выбора нет совсем.

– Ага, – негромко согласилась Крыса. – Это я понимаю.

Но Тейо, ни в чем не убежденный, покачал головой.

Лоб госпожи Кайи разгладился, на лице отразилось некоторое сочувствие.

– Тейо, я вовсе не жду, что ты непременно со мной согласишься. Ты всю свою жизнь учился спасать людей, я же всю жизнь провела, избавляя земли живых от опасных мертвых. Это мое, не твое дело. Ты свое слово сказал, и я сожалею, но решение здесь принимать не тебе.

Тейо в свой черед сдвинул брови. Очень жалея о том, что завела этаким серьезный разговор, Крыса собралась было удариться в сплетни начет развития отношений меж господином Зареком и господином Вроной, от постельного партнерства до единения душ, но тут в обеденный зал вошла мадам Блез. Подойдя к госпоже Кайе, она склонилась к ней, весьма учтиво согнувшись в поясе, и зашептала:

– Госпожа, Триумвират просит об аудиенции.

– Сейчас? Здесь? – шепнула в ответ Кайя.

– Я говорила им, что уже поздно и ты ужинаешь, но они настаивают на том, чтоб засвидетельствовать свое почтение.

– Триумвират? Засвидетельствовать почтение? *Мне?*

– Так они говорят, госпожа.

– Держу пари, истинного почтения в меню сегодняшнего ужина не значится, но... прекрасно,пусти их.

– Слушаю, госпожа.

С этим мадам Блез выпрямилась и удалилась.

– Еще раз: что это за типы и чем так уж важны? – спросил Тейо, подавшись вперед.

– Триумвират обладает значительной властью и влиянием в гильдии, – пояснила госпожа Кайя.

– Видишь ли, – встряла в разговор и Крыса, – госпожа Кайя истребила Обзедат, Призрачный Совет, издавна правивший Синдикатом Орзовов. Так она и сделалась главой гильдии.

– Хотя это в мои намерения *не* входило, – уточнила Кайя.

– Да, не входило, – согласилась Крыса. – Но таков уж вышел итог. И Триумвирату это не по нутру. Призраков больше нет, и эти трое получили немалую власть, за что им бы сказать госпоже Кайе спасибо. Но вместо этого они ею возмущены, и мне вот это вот кажется совсем неразумным.

– Неразумного в этой гильдии немало, – сказала госпожа Кайя, но на этом их разговор прервался.

В обеденный зал один за другим вошли члены Триумвирата. Появление каждого мадам Блез объявила особо, и каждый вел с собою на поводке небольшого трулла, не пригодного (насколько кто-либо мог судить) ни на что, кроме при-

дания хозяину еще более важного вида.

– Понтифик Армин Моров!

Понтифик был человеком, патриархом семейства Моров. Очень и очень старый, с сереющей кожей, с иссохшею правой рукой и абсолютно безволосый, он выглядел так, будто уже вполне готов присоединиться к возрожденному Обзедату.

– Мастер-мытарь Славомир Золтан!

Мастер-мытарь оказался угрожающе миловидным вампиром с весьма любопытной – для неупокоенного-то кровопийцы – неодолимой склонностью к стяжанию материальных богатств.

– Госпожа Маладола!

Госпожа Маладола была ангелом, давней перебежчицей из Легиона Боросов, ныне служившей Орзовам в должности главного боевого палача, приносившей ей немалые выгоды.

Каждый выбрал себе место – ни поблизости от главы гильдии, ни вблизи от других, вынуждая всех до единого орать во весь голос, дабы быть услышанными. Похоже, такова была излюбленная стратегия этой троицы: когда госпожа Кайя впервые (совершенно безуспешно) попробовала поднять их силы на бой с Николом Боласом, они проделали то же самое.

– Мы, – начал понтифик Моров, – весьма рады видеть тебя, глава гильдии, целой и невредимой.

– Да, – продолжал за ним мастер-мытарь Золтан. – Повидимому, твои опасения на предмет этого дракона, Боласа,

были преувеличены.

– А если и не преувеличены, – добавила госпожа Маладола, откашлявшись и поерзав в кресле, – придержать в резерве часть наших сил было вполне разумно. Прочие гильдии отправили в схватку всех, кого могли, и в случае новой угрозы – с чьей бы то ни было стороны – мы оставались в самом выгодном положении, вполне способные ответить по необходимости.

Госпожа Кайя полоснула ее гневным взглядом.

– Я очень благодарна главному блюстителю Билагру, выведшему на битву столько военных сил моей гильдии. Благодарна я и тебе, палач, в конце концов также пошедшей в бой.

Тот факт, что главный боевой палач Маладола в последнюю минуту лично присоединилась к сражающимся с силами дракона, похоже, оказался сюрпризом для прочих двоих из Триумvirата.

– Так ты вышла на битву, госпожа? – удивился мастер-мытарь Золтан.

– Об этом мы не договаривались, – прошипел понтифик Моров.

На миг главному палачу Маладоле, очевидно, сделалось неудобно, но затем она поднялась и подалась вперед – ладони уперты в столешницу, руки прямые, неподвижны.

– Я исполняю свой долг, как нахожу нужным, – сказала она, словно бы призывая любого из них возразить.

Похоже, холодное негодование хозяйки почувствовал да-

же ее трулл. Зарычав на питомца понтифика, он умолк лишь после того, как главный палач резко и жестоко рванула его поводок.

– Разумеется, госпожа, – заговорил мастер-мытарь Золтан в попытке унять готовую разразиться бурю. – Как находишь нужным. Главное – мы представляем собою единый фронт. Против *всех* потенциальных врагов Орзовов до единого.

Взгляд вампира, переведенный с ангела на главу гильдии, был не слишком-то неприметен. Уловив намек, главный палач Маладола уселась на место.

– Так ты хочешь сказать, что видишь потенциального врага и во *мне*? – осведомилась госпожа Кайя.

– Я уверен, подобного мастер-мытарь и в мыслях не имел, – со слащавой учтивостью заговорил Моров. – Ты – неотъемлемая часть помянутого единого фронта. Отсюда и настоятельная необходимость выразить тебе наше глубочайшее почтение сегодня вечером. Нам вовсе не хотелось бы, чтобы ты чувствовала себя оставшейся без внимания... *и без присмотра.*

– Приятно знать.

– Неужели же нет? – сказал Золтан с почтительным кивком, в коем, однако ж, не чувствовалось ни капли почтения.

– Однако ты, госпожа, должно быть, утомлена, – заметила ангел. – Нам следует оставить тебя спокойно ужинать и отдыхать.

– Благодарю вас.

Таким образом, после еще пары любезностей (не слишком-то, впрочем, любезно прозвучавших), Триумвират удался. С утра, когда они покидали главу гильдии, поводки их труллов весьма некстати перепутались. На сей раз все трое блюли осторожность, дабы конфуза не повторилось, а посему их уход сопровождался великим множеством «после вас, после вас».

Как только за ними закрылись двери, госпожа Кайя с яростью треснула по столу оловянным кубком.

– Они сказали как раз довольно, чтоб дать мне понять, что между нами война, но слишком мало, чтоб принимать против них меры. О, боги и чудовища, как мне обрыдло возглавлять эту гильдию! Если убийство Весс означает, что кто-нибудь будет вынужден отыскать для меня способ сбывать с рук эти обязательства, я готова прикончить хоть сотню Лилиан!

От этих слов глаза Тейо снова вспыхнули гневом, но Крыса только лишний раз убедилась: да, госпожа Кайя покинет Орзовов и Равнику, едва получит такую возможность.

«Пожалуй, если она уйдет из гильдии, мне вступать в Синдикат смысла нет. Кроме того, Орзовы, определенно, не в моем стиле...»

Нервно выудив из вазы с фруктами сливу, Тейо сделал вид, будто внимательно изучает ее. Взгляд его так и заметался вверх-вниз – то на Крысу, то на сливу, то на Крысу, то на сливу.

– Что? – спросила Крыса.

Вновь подняв взгляд, Тейо отвел глаза в сторону и восхищенно (да-да, *восхищенно!*) пробормотал, будто слива – того же цвета, что и глаза Крысы, и быстро откусил половину.

– Вот это слива! – восхищенно сказал он, несмотря на набитый рот.

– Каких ты за всю свою жизнь не видал?

– Каких я за всю свою жизнь не видал. Гораздо слаще и сочнее любых слив, какие я только пробовал на Гобахане.

Гобахан... Завтра утром Тейо вернется на Гобахан, а Кайя оставит свою гильдию и Равнику, как только сумеет.

«И это неизбежно».

В обеденный зал снова вошла мадам Блез, и снова она, приблизившись к госпоже Кайе, склонилась к ее уху. Но прежде, чем служительница успела выговорить хоть слово, от двери донесся совсем другой голос:

– Так-так, поглядите-ка на этот чудный пир и всю эту чудную компанию!

В дверях, прислонившись плечом к косяку, в новеньких, с иголки, регалиях кровавой ведьмы стояла Гекара.

– Я ведь велела тебе подождать в коридоре, – не без обиды сказала мадам Блез, выпрямившись во весь рост.

– Я и подождала, – откликнулась Гекара. – Секунды две, а то и больше. А после решила: к чему тебе утруждать да объявлять о моем визите?

– Все в порядке, Блез, – сказала Кайя, нехотя позволив улыбке сменить еще kloчущую в сердце злость на Триум-

вират.

Мадам Блез сухо кивнула и удалилась, однако не прежде, чем Гекара исполнила впечатляющую череду обратных сальто, завершив ее на столе, с воздетыми кверху руками и одной ногой в миске с исключительно аппетитным пудингом.

«Та-да-а-ам!»

– Твоя нога... – пробормотал Тейо.

Гекара улыбнулась, глядя на него сверху вниз.

– Порядок. Так и было задумано. Я тут чуток проголодалась.

С этими словами она уселась на стол и изогнулась так, чтоб слизнуть пудинг с бубенчика на туфле.

– М-м, вкусно-то как. Остальное после доем, – заявила она, разгибаясь.

– Знаете, она ведь так и сделает, – подтвердила Крыса. – Все это вроде как отвратительно... и в то же время чудесно.

Однако ее слова заглушила Гекара, заговорившая одновременно с нею:

– Оставляя следы из пудинга на мостовых Равники, я буду то бы делю свою пищу с миром. А потом, когда усядусь поест *сама*, буду вроде как наслаждаться не только собственной закуской, но и чуточкой Равники.

– Гекара, Крыса здесь, – сообщила госпожа Кайя, выслушав обе их реплики, наложившиеся одна на другую. – В этой комнате. Я знаю, кое-что... изменилось. Но вот Рал Зарек может увидеть ее, если сосредоточится. Уверена, сумеешь и

ты. Она сидит здесь, – Кайя указала на Крысу взмахом руки, – в кресле справа от меня.

Чтобы заметить дрожь верхней губы Гекары, никакого ясновидения Крысе не требовалось.

– Ну конечно, – заговорила Гекара, – Крыса ведь моя девочка. Я сумею на ней сосредоточиться. И увидеть ее смогу.

Однако, самую чуточку умея читать чужие мысли, Крыса почувствовала, какой... мандраж охватил Гекару, как только та узнала о ее присутствии. Не говоря уж о явной неохоте и о немалом страхе, с которым Гекара повернулась к ее креслу.

– Значит, все, что тут нужно – сосредоточиться, верно? Да, я знаю, как оно действует – сколько раз видела, как отец ее это делает. И фора у меня наверняка должна быть: ведь Крыса всю жизнь была моей лучшей подружкой. И я всегда могла ее видеть. Ну, пока не погибла, верно? Пока не погибла и меня не воскресили в виде кровавой ведьмы. Она же – по-прежнему моя Крыса. А я – по-прежнему ее Гекара!

Однако чем больше она говорила, тем сильнее нервничала. Не в силах терпеть все это дальше, Крыса сказала госпоже Кайе:

– Не заставляй ее. Скажи ей, будто я вышла.

– Но...

– Пожалуйста. Прошу тебя.

– Прости, Гекара. Кажется, Крыса покинула зал.

Гекара разом расслабилась.

– Как жаль, что мы с ней разминулись.

У Крысы возникло определенное ощущение, что Гекаре известно о том, что ей позволили сорваться с крючка, и что она этому очень рада. Новообретенная неспособность увидеть Крысу встревожила кровавую ведьму – а то и *напугала*. В конце концов, если Гекара утратила это, чего еще она могла лишиться в минуту гибели?

– Да, очень жаль, что мы разминулись, – чуть тише повторила Гекара, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Я так скучаю по ней, – с тоской прошептала она. – Она ведь – моя Крыса.

– Я – твоя Крыса, – шепнула Крыса в ответ, хоть и понимала, что Гекара ее не услышит.

По опыту ей было известно, что даже те, кому на время удастся ее разглядеть, забывают ее лицо и голос всего через пару минут – если не секунд – после того, как утратят сосредоточенность. Сказать по правде, когда Крысы подолгу не бывало дома, ее начинала забывать даже родная мать, хотя Ари Шокта ни разу не признавалась в этом дочери вслух. Гекара же скоро забудет, что Крыса вообще существовала в ее жизни.

«Так что о разлуке со своей Крысой ей тосковать недолго».

Внезапно Крысе сделалось ясно: теперь, когда Гекара больше не в ее углу, о присоединении к Культуре Ракдоса не может быть даже речи. То есть Ракдос отпадает. Орзовы – тоже. Выбирать остается только между Груулами и Селезни-

ей. Пока и этим возможностям неизбежно не настанет конец. Потому что без Гекары у Крысы нет среди уроженцев Равники (тех, кто на Равнике и останется) ни сверстников, ни друзей, постоянно способных ее видеть. Одна только мать да крестный отец. И те неизбежно разучатся.

Гекара задержалась ненадолго. Госпожа Кайя здорово испортила ей настроение. Вскоре она колесом прошла к двери и ушла, оставив Тейо в попытках ободрить Крысу, говоря разные разности, очевидно нацеленные на то, чтобы снова навлечь на себя ее насмешки.

Госпожа Кайя хранила молчание, и Крыса понимала: она размышляет о ее, Крысы, отверженности и одиночестве. Она такая участливая... и Тейо – тоже.

Однако Крыса твердо решила их не обременять. Старательно изображая на лице радость, она поболтала еще чуточку о фруктовых пирогах, нарочно припала к кружке с молоком так, чтобы под носом образовались белые «усы», а Тейо застенчиво указал на этакий непорядок, и вот, наконец, в зал снова вошла мадам Блез – препроводить всех троих на ночлег, по спальням.

Глава десятая. Враска

Победа их была сладка, но это – еще слаще победы.

Враска и Джейс предавались любовной страсти. К этому между ними шло долго, оба хотели этого с тех самых пор, как вместе служили на борту «Воинственного» в мире под названием Иксалан... но постоянно откладывали, потому что судьба обоим никогда не благоволила, а на горизонте их грозной тучей маячил Никол Болас.

Теперь ожидание придавало каждому поцелую, каждому прикосновению особую нежность. Вдобавок с ее разрешения Джейс телепатически соединил их чувства и ощущения. Что чувствовал один, чувствовал и другой. Каждое ощущение отражалось, будто в зеркале, удваивалось.

«Как насыщенно. Как ярко. Как... как...»

В этот момент их сознания тела, души слились воедино.

Бессильно обмякнув на груди Джейса, Враска целовала его снова и снова. Джейс крепко прижимал ее к себе. Она была так близка к тому, чтобы сказать...

«Но нет. Не сейчас. Позже. Я не могу. Не сейчас».

– По-моему, я в тебя влюблен, – сказал он.

Враска от души рассмеялась.

– Я тоже люблю тебя, – ответила она.

«Значит, все-таки да».

Враска вновь рассмеялась. Оба вновь слились в поцелуе.

В конце концов, охваченная дремотой, она скатилась с него, повернувшись на бок... и прильнула спиной к его груди.

«Вот, значит, что делают обычные люди? Просто вот так держат друг друга в объятиях? Просто вот так радуются друг другу?»

Дыхание Джейса за спиной выравнивалось. Ей очень нравилось, что ему с ней настолько уютно, чтобы заснуть, обнимая ее.

«К тому же он, должно быть, устал. Уж я-то – точно».

И все же ей не спалось. Вместо этого она наслаждалась послевкусием их любви. Вскоре мысли сами собой устремились к пережитому вместе, вдвоем. К службе на корабле. К охоте за Бессмертным Солнцем. К разнообразным духовным озарениям, упрочившим ее чувства к нему, а его – к ней. Все это было так странно: ведь оба они настолько разные... и в то же время настолько схожи.

К несчастью, мысли продолжали брести сами по себе, к заботам, куда менее приятным. И в конце концов сосредоточились на той единственной, что занимала Враску почти всегда – на благополучии Роя Голгари.

Теперь она была царицей Роя Голгари и, хотя это никого не удивляло более нее самой, похоже, многие члены гильдии – безусловно, немалое число тератогенов (то есть тех, кто не относился ни к людям, ни к эльфам), и множество Былых и краулов – были ей искренне преданны. А уж Сторрев и Аз-

домас – вовсе были верны более, чем она того заслуживала.

Но при всем этом Враска прекрасно знала, что эльфы-девкарены, возглавляемые своею верховной жрицей, Маткой Изони Тысячеглазой, желали бы избавиться от нее. Избавиться, дабы Изони с девкаренами снова установили над Ро-ем свою жестокую, беспощадную власть. И понимание того, что остальной Рой девкаренам не доверяет и даже не симпатизирует, ничуть не утешало, так как Враска знала: недооценивать их силы весьма неразумно.

Особенно в то время, когда ей приходится противостоять девяти остальным гильдиям. Девяти гильдиям, ныне настаивающим, чтобы она снова взялась за работу убийцы, с которой надеялась распрощаться навсегда.

«Нет, не с убийством как таковым, но с необходимостью убивать по чужой указке, когда это угодно другим. Какого, в конце концов, Крокта? Какое мне дело до Довина Баана?»

– Зино за твои мысли.

Джейс проснулся! Неужто ее мрачные раздумья нарушили его дрему? Неужто они все еще телепатически связаны?

«Многое ли ему известно? Многое ли он успел узнать?»

Джейс нежной рукой повернул ее лицом к себе.

– Мне снился Врин, – сонно сказал он.

– Да? – с невероятным облегчением прошептала Враска.

– Теперь, когда память ко мне вернулась... Должен признаться, мне... не терпится? Да, просто не терпится отправиться туда.

– В этом тебя винить трудно. Врин – твой родной мир, как же тебе не хотеть вновь увидеть его?

– Честно говоря, это немного пугает.

– О-о-о! – протянула Враска, поглаживая его щетинистый подбородок.

В ответ Джейс погладил ее щупальца, и это слегка завело Враску. Снова.

– А ты со мной пойдешь? Знаю, знаю, – поспешно добавил он, прежде чем Враска успела хоть что-то ответить или возразить, – Голгари тебе надолго не оставить. Но как насчет нескольких дней? Скажем, не больше недели?

Враска взглянула в его глаза. В них отражалось пламя свечей. Пламя свечей и она сама. А ведь он смотрит на нее так, точно вокруг смотреть больше не на что...

– Неделя? По-моему, прекрасно, – отвечала она, целуя его мягкие, нежные губы.

– Но прекраснее всего – ты, – сказал он, поворачиваясь на бок и наваливаясь на нее сверху.

Чувствовать тяжесть его тела – как это было приятно! И все, что он начал проделывать с нею – тоже.

«И как же все это справедливо, как правильно... Мы с Джейсом, вдвоем. О лучшем мне и не мечталось».

И они начали снова...

Глава одиннадцатая. Довин Баан

Довин Баан пребывал в бегах. Раненый, ослепленный метательными ножами Лазава, Баан инстинктивно перенесся с Равники в свое старое, заколоченное досками жилище на Каладеше. Ход, нужно признать, продиктованный отчаянием... если не откровенной паникой.

Однако затем, в следующий же миг, за дело вновь взялся его устрашающий интеллект. Он понимал: Лазав, Чандра Налаар, Сахили Рей и Лавиния видели, как он покинул Равнику. И состояние его на тот момент оценить могли – иными словами, застали его в редкую минуту *растерянности*.

Вскоре они докопаются до истины, высчитают, что он отправился домой.

Вдобавок к этому Баан знал, что на Каладеше находится опасно. Казалось бы, чистое безумие – ведь каладешцам следовало бы благодарить его за все старания во имя их блага, однако он был отнюдь не так глуп, чтоб отрицать очевидное. В собственном родном мире ему были вовсе не рады.

И, будто этой проблемы мало, притом что Бессмертное Солнце более не подконтрольно ему или одному из его доверенных подручных, условная вероятность поражения, гибели Никола Боласа достигала одиннадцати процентов. А если дракон пал, то Налаар, Рей и Белерен могут вскоре явиться за Бааном сюда, на Каладеш. В эту самую комнату.

Да, он, Довин Баан, остановился здесь, дабы передохнуть и собраться с мыслями. Но задержаться в этом мире надолго он не рискнет.

Глава двенадцатая. Крыса

Надолго Крыса в Орзове не задержалась.

Пусть мадам Блез до сих пор не смогла разглядеть Крысы, но спальню своей новой молодой (и невидимой) госпоже отвела чрезмерно роскошную. Что ж, минутку-другую внимания всем этим ничуть не радовавшим ее удобствам Крыса уделила.

После этого она вышла в темный коридор, припала на колени у дверей в спальню Тейо, вскрыла замок и тихонько вошла внутрь.

Тейо, негромко похрапывая, спал – спал без задних ног.

«Милый, милый...»

Забравшись к нему в постель, Крыса улеглась рядом. Мертвый для всего мира, он этого даже не почувствовал. Как ни странно, это – неизвестно, отчего – придало ей уверенности. К проклятию своему Крыса настолько привыкла, что огорчений оно ей почти не доставляло, однако сегодня вечером все было иначе. Честно сказать, оно казалось невероятно жестоким – именно потому, что ее видели. Теперь ее снова никто не замечал, и от этого сделалось легче.

Не будя Тейо, Крыса поцеловала его на прощание в щеку и вышла вон – вначале покинула его спальню, затем темный коридор, и, наконец, Собор Роскоши.

И в скором времени оказалась на Оловянной улице, где

вовсю праздновали дневную победу. Ликующие пили – за мертвых, и за героев, и друг за друга. Повсюду вокруг звенел нервозный, неуверенный смех облегчения. В то время как дюжины подвыпивших горожан шли мимо, не задерживая на Крысе взглядов – или, если на то пошло, вовсе не глядя на нее, – она отыскала укрытый тенью дверной проем, прямо в свежестырированной одежде опустилась на грязную мостовую и уж тут наревелась вдоволь.

Глава тринадцатая. Чандра Налаар

Как бы Чандра ни старалась уснуть, все ее старания пропадали впустую. Так и лежала она без сна в спальне матери, в материнской кровати, а мать, Пиа Налаар, спала крепким сном рядом.

Нет, дело было не в том, что Чандра не устала – напротив, она совершенно выбилась из сил. Как и все остальные. Пожалуй, на Равнике не было ни единой живой души, не утомленной всеми испытаниями минувшего дня.

Однако сон попросту не приходил. Мозг ни в какую не желал отключаться.

Признав поражение, Чандра поднялась и как можно тише оделась. Мать заворочалась под одеялом, но не проснулась. Понаблюдав за ее мерно вздымавшейся грудью, Чандра прокралась к двери. В душе шевельнулся стыд: крадется, что твой подросток, украдкой удирающий из дому в неурочный час...

Идя недлинным коридорчиком, Чандра задержалась у двери в собственную спальню. Вернее, Чандра *звала* эту комнату своей спальней, и, разумеется, Пиа отвела эту спальню именно для нее, однако сколько раз пиромантка действительно ночевала здесь? Пожалуй, по пальцам обеих рук можно пересчитать. На самом деле она не считала эту комнату своей, а дом этот – своим домом. По крайней мере, до сих

пор. А может, и не сочтет никогда. На всем свете не было дома, который она могла бы считать – или считала бы – своим, собственным. Разве что Крепость Керал... но одна мысль о возвращении туда, к обязанностям аббата, повергала Чандру в ужас. Какое-то время у нее имелись покои в представительстве Воплощения Договора, но Межмировой Мост Боласа с Теззеретом разнес здание представительства на куски. К тому же Чандра, говоря откровенно, так давно не проводила там сколь-нибудь значительного времени, что даже не потрудилась покопаться в развалинах в поисках каких-либо вещей, которые пожелала бы сохранить.

Немного, всего на дюйм приоткрыв дверь, Чандра заглянула внутрь. В ее постели спали Нисса и Джайя. Глядя на спящую Ниссу, Чандра вспомнила, как после битвы сказала ей, что любит ее, а Нисса ответила, что тоже любит Чандру. Нет, это не означало того, на что Чандра когда-то надеялась. Ни для одной из двоих. И означать не могло. Обе оплакивали Гидеона, и Нисса утерла слезы Чандры... Хотелось бы Чандре заплакать вновь, да только и слезы, и чувства иссякли. Рядом с Ниссой подобная пустота внутри была неприятна.

Тихонько затворив дверь, Чандра двинулась дальше.

Миновав коридор, она вышла в гостиную, где на диване спал Тефери, а подле него дремал стоя Карн, говоря откровенно, ничем не отличавшийся с виду от Карна бодрствующего. А может, на самом деле он и не спит? Помнится, кто-то – может быть, Джайя – говорил, что Карн не спит нико-

гда. Возможно, он только делает вид, будто дремлет, дабы его органические друзья не чувствовали себя неудобно? Что ж, если так, пусть себе притворяется.

Тут она едва не наступила на Аджани, за неимением свободной постели свернувшегося клубком в уголке, на полу, точно самый большой домашний кот на свете. Дом был набит битком, несмотря на то что Сахили Рей увела Уатли к себе. Среди такой толпы Чандре сделалось душно, хотя все до единого были ее друзьями. Надо бы выйти наружу, подставить лицо прохладному ветру...

Как можно тише отворив парадную дверь, она покинула дом.

Однако ночной прохладой снаружи даже не пахло. Вечер в огромном Гирапуре выдался знойным и душным. Между тем накопленной энергии, сдерживаемому внутреннему огню срочно следовало дать выход. Решительно стиснув зубы, Чандра двинулась к дому Довина Баана.

Баан ушел с Равники раненым, ослепленным, в смятении чувств. Пожалуй, таких поражений он не терпел еще никогда. Посему Чандра рассудила, что Баан – в кои-то веки – вполне мог последовать зову инстинктов и отправиться домой. Разумеется, с тех пор прошел не один час, и шансы на то, что он до сих пор там, были ничтожны. Но если у Чандры имелся хоть единственный шанс предать Баана в руки правосудия за все разрушения, учиненные им на Каладеше и Равнике, попробовать стоило. Во всяком случае, это было

куда лучше, чем лежать да глазеть в потолок материнской спальни.

Дойдя до Баанова дома – окна забиты досками, сплошь разрисованными граффити из тех, что наверняка уязвили бы Баана до глубины души, – она обнаружила там Сахили Рей с Уатли.

– Не спится, – пояснила Чандра.

– Вот и нам тоже, – кивнув, откликнулась Сахили.

– Думаю, Баан мог вернуться сюда, – продолжала Чандра.

– И я о том же подумала, – вновь кивнула Сахили.

– Но, скорее всего, его здесь уже нет.

– Пожалуй, нет.

– Хочешь вломиться внутрь? Или лучше мне?

– Лучше я, – сказала Уатли.

Отступив на шаг, она одним ударом ноги вышибла дверь, обнажила клинок и первой двинулась внутрь. Последовавшая за нею Сахили выпустила в воздух одну из механических колибри филигранного золота. Последней в дом вошла Чандра с огненным шаром, повисшим в полудюйме над раскрытой правой ладонью. Подняв шар вверх и увеличив его в объёме, она осветила комнату.

Колибри молнией заметалась из угла в угол, из двери в дверь, и, наконец, вернулась к Сахили. Устроившись на плече хозяйки, птичка отрицательно покачала крохотной головкой.

– Его здесь нет, – подытожила Сахили.

– Возможно, и не было уже четыре месяца – с тех самых пор, как он бежал с Каладеша, – брюзгливо проворчала Чандра.

Проведя указательным пальцем по дверце шкафа, Сахили поднесла его к глазам.

– Тогда отчего же нет пыли?

Это на миг привело Чандру в замешательство, а затем она невольно разинула рот.

– Не думаешь же ты... будто все это время, – заговорила она, – внедряясь к Азориусам, строя все эти топтеры, подминая гильдию под себя, чтобы поставить ее в ряды Боласа... не думаешь же ты, будто он каждую неделю, или вроде того, наведывался сюда... *наводить чистоту*?!

Сахили взглянула Чандре в глаза, а затем обе дружно кивнули и хором сказали:

– Ну да, так и есть.

Неизвестно, отчего сие заключение разозлило Чандру до помутнения рассудка. Огненный шар заметно увеличился в размерах.

– Сюда, – сказала Уатли, двинувшись в кухню.

Чандра с Сахили последовали за ней.

– Он и здесь убирал, – пояснила Уатли, указывая на кухонный стол. – И совсем недавно. По запаху чувствуется. Но, очевидно, слепому наводить чистоту чуточку затруднительно. Кое-что он пропустил.

Чандра с Сахили склонились над столом. На поверхности

темнело пятнышко.

– Кровь, – твердо объявила Сахили. – Пролитая совсем недавно. Может, он и исчез, но был здесь не далее как сегодня. Пытался замести следы, чтоб мы о том не узнали – или, по крайней мере, не нашли подтверждений его появлению на Каладеше.

Потянув носом воздух, она двинулась дальше и вскоре нашла еще одно пятнышко крови на полу. И еще одно – на подоконнике.

– Ушел через это окно.

– Еще бы, – согласилась Сахили. – Должен же он понимать, что на Каладеше ему рады ничуть не больше, чем на Равнике. Если инстинкт и привел его домой, то интеллект подсказал, что оставаться здесь нельзя.

– Однако он выбрался в окно и ушел, – прошептала Чандра. – То есть не «ушел», если вы понимаете, о чем я.

Очевидно, Сахили с Уатли поняли ее немедленно.

Уатли распахнула окно и выбралась наружу. Сахили и Чандра последовали за ней.

Превосходному следопыту, Уатли удалось отыскать еще несколько капель крови. Однако, пройдя около сотни ярдов, она окончательно потеряла Баанов след и буркнула, что без динозавра да среди ночи здесь рассчитывать не на что.

На это Сахили ответила: извини-де, динозавров на Каладеше не водится, – и Уатли испустила протяжный вздох.

– Сейчас нам его не найти. Слишком уж много прошло

времени.

– И все же теперь нам известно, что он был здесь считанные часы тому назад, – заметила Чандра.

– Да, но и этого слишком много, чтоб делать хоть сколь-нибудь основательные выводы. Возможно, Баан прячется где-то на Каладеше. В равной мере возможно, что он уже отправился дальше, в неведомые миры. Пока на него не наткнется или не услышит о нем кто-нибудь, достойный доверия, нам, думаю, правды не узнать.

Раздосадованная, Чандра крепко стиснула кулак. Огненный шар разом погас, оставив всех троих в темноте.

«Либо уж так, либо позволить ему разрастись и спалить весь город дотла».

– Что ж, попробовать все равно стоило, – сказала Сахили, вглядываясь в темноту.

– Думаешь, теперь сможешь уснуть? – спросила Уатли, сдерживая зевок.

– Да. Может быть.

С этими словами Сахили сняла с плеча колибри и спрятала ее.

Пожелав обеим спокойной ночи, Чандра направилась прочь – назад, к дому матери. Иного выбора у нее не имелось.

Глава четырнадцатая. Тейо Верада

– По-моему, я советовала запереть дверь.

– Какую дверь? – сонно пробормотал Тейо. – Здесь нет никакой двери.

– Тейо, проснись.

Аббат встряхнул его, пробуждая от крепкого сна. За окном сияло утреннее солнце. Аббат вновь встряхнул Тейо, и тот поднял взгляд.

«Нет, это не аббат. Определенно, не аббат».

На то, чтоб хотя бы узнать Кайю, чтоб хотя бы вспомнить, где он – в каком он мире! – ушла не одна секунда.

Однако мало-помалу все еще утомленный, затуманенный разум начал вспоминать обо всем.

– Отчего ты не запер дверь?

– Я запер, – сипло пробормотал Тейо, а затем, откашлявшись, повторил: – Запер. Я точно помню.

– Ну, а я обнаружила ее открытой. И дверь в спальню Крысы тоже была не заперта. А Крыса исчезла.

– Погоди. Что ты...

– Крыса исчезла.

Разом стряхнув с себя сон, Тейо сел и едва ли не приказным тоном спросил:

– Куда она пошла?

– Не знаю. Но я уже опаздываю на совещание в резиден-

ции Сената, так что найти ее должен ты.

Тейо согласно кивнул.

На время оба умолкли, но, наконец, Кайя раздраженно сказала:

– Тейо, шевелись. Мне за нее тревожно. Ей нужен ты. Вернее, мы оба.

Теперь ее тон, без сомнения, здорово напомнил Тейо аббата Барреса. Выбравшись из постели, он принялся облачаться в верхнее платье, но в то же время с сомнением покачал головой.

– Кайя, ведь ты понимаешь, отчего она ушла. Из-за того, что уходим мы.

– Об этом мне прекрасно известно. И все-таки ты должен отыскать ее и привести назад.

– Чтоб попрощаться?

– Чтобы нам, вполне возможно, не пришлось расставаться.

Глава пятнадцатая. Джейс Белерен

Наутро мироходцы, как и было задумано, сошлись на вершине Цитадели Боласа – на месте гибели Гидеона Джуры. Поднимаясь на пирамиду рука об руку с Враской, Джейс заметил Киору с Тамиё. И Самут, и Сахили Рей, и Уатли. И даже ангела Аурелию, хотя та, не принадлежа к мироходцам, отправиться с ними не могла. Как и накануне, она держала в руках завернутую в листья кирасу их павшего друга.

Враска пришла проводить Джейса. Она загодя сообщила, что на Терос с ним не отправится, а теперь начала объяснять то же самое остальным.

– Простите, но я ведь его едва знала. К тому же мне нужно заняться делами Голгари.

С этими словами она бросила взгляд на Аурелию, и та едва заметно – но не столь неуловимо, чтоб это укрылось от Джейса – кивнула в ответ. Что ж, Джейс почел за лучшее не спрашивать, что за дела Роя Голгари связывают царицу Враску с главой гильдии Боросов. Вместо этого он просто еще раз напомнил своей новой возлюбленной, что вскоре вернется на Равнику, и они вновь будут вместе.

Киора также выразила соболезнования, но объяснила, что и она со всеми не пойдет. Похоже, на Теросе она была персоной нон грата.

– Аджани может вам все объяснить, – сказала она. – Хотя

сегодня, пожалуй, не тот день, чтоб поднимать эту тему.

– Куда же ты сейчас? – спросила Тамиё.

– Домой, на Зендикар. Но прежде мне хотелось бы сказать... Это было... Это...

Киора умолкла, погрузившись в собственные мысли, обвела взглядом остальных, безнадежно покачала головой и покинула Равнику, растворившись в полупрозрачной дымке.

Почти в тот же миг – и практически одновременно – на вершине Цитадели появились Чандра, Нисса, Тефери, Карн, Аджани и Джайя, прибывшие с Каладеша.

Джейс огляделся, пожал плечами и сказал:

– По-моему, все собрались.

– Жаль, я не могу отправиться с вами, – заговорила Аурелия. – Хотелось бы мне взглянуть на тот мир, что выковал Гидеона Джуру.

Джейс знал, что она любит Гидеона не меньше, чем любой из них. На листьях, в которые был укутан доспех, поблескивали капельки ангельских слез.

– Прошу, увольте от этого и меня, – сказала Джайя.

– Что? – переспросил Аджани.

– Ты всерьез? – удивился Джейс.

Ошеломленная, Чандра лишь округлила глаза и прошептала:

– Джайя?..

– Прости, Чандра. Но когда проживешь столько же столетий, сколько я... знаешь, порой похорон еще одного друга

просто не вынести.

Тефери смерил ее подозрительным взглядом, но Чандра понимающе кивнула. Похоже, объяснение ее вполне удовлетворило, хотя от разочарования в наставнице и не избавило.

– Пожалуй, остальным можно отправляться, – сказал Джейс. А Враске, еще раз поцеловав ее, шепнул: – Я скоро вернусь. И вот тогда – на Врин.

– И вот тогда – на Врин, – шепнула она в ответ.

С этим Джейс, Чандра, Нисса, Карн, Самут, Тефери, Аджани, Тамиё, Сахили и Уатли покинули Равнику, отправившись на Терос, а Враска и Аурелия с Джайей остались на вершине Цитадели.

Глава шестнадцатая. Тейса Карлов

Отпрыск – а ныне Матриарх – одного из самых выдающихся семейств Синдиката Орзовов, Тейса Карлов пребывала в собственных покоях.

«Что ж, разумеется, я у себя, в своих покоях. Я провела взаперти, в этих пяти комнатах, время, сравнимое с вечностью!»

В эту минуту она вела приятную светскую беседу со своим старшим помощником – *бывшим* старшим помощником – Тамиком Вроной.

– Тамик, – сказала она, – ну, полно же. Я знаю о заключенных контрактах все. Твоему возлюбленному Зареку выпала охота на Теззерета. Горгону послали за Бааном. Ну а нашей Кайе поручено прикончить Весс. А дабы она прикончила Весс, ее отошлют из нашего мира.

– Я... – залепетал Тамик. – Я и не... и не знал, что ты *столь* хорошо информирована.

– Потому что сам предпочел держать меня в неведении? – Тесса вздохнула. – Друг мой... хотелось бы мне думать, что мы – все еще друзья... источников информации у меня множество. Без этого я ни за что не дожила бы до своих лет.

– Пожалуй, это верно.

– Как бы там ни было, ты, несомненно, понимаешь, какую возможность предоставляет задание Кайи нам.

Тамик гневно нахмурил брови, но промолчал.

– Великолепную возможность...

Однако отклика не последовало и на сей раз.

– Тамик, дорогой мой, перед нами открывается великолепно-лепная возможность избавить Орзовов от главы гильдии, определенно не желающей ее возглавлять. Это ведь вовсе не новый переворот. Этого, в конце концов, хочется самой Кайе.

– Нет, госпожа... то есть *миледи*, – осекшись, поправился Тамик. – Соучаствовать в смещении госпожи Кайи с поста, пользуясь выгодами положения, я не стану.

– Но ее совершенно ни к чему смещать с должности, если...

– Что «если»? Если она погибнет, пытаюсь покинуть Равнику, в то время как все эти долговые обязательства еще в силе? Этого я тоже не допущу. И посредством магии ее от этих обязательств никто не избавит. Мы оба знаем: это также может ее погубить. И ни один из нас не сделает ничего, могущего причинить вред законной главе гильдии.

– Значит, теперь ты видишь в ней законную главу гильдии? Помнится, некогда ты видел в сей роли меня.

– Я также помню об этом, миледи Карлов, но все на свете меняется.

– Да. Очевидно, меняется. – Тейса выдержала паузу. – Узость твоего взгляда весьма огорчительна, Врона. Ты оставляешь меня в немалом... неудовольствии.

– Очень о сем сожалею. Вправду. Но, как тебе, вероятно, известно, сегодня утром у меня множество дел. Я должен идти.

Нервозно поднявшись, он направился к выходу, с порога оглянувшись, точно хотел сказать еще что-то, однако отверг эту мысль и вышел, затворив за собою дверь.

В следующий же миг за спиной Тейсы, словно соткавшись из сумрака, возник Лазав. Его присутствие она чувствовала, даже не оборачиваясь.

– Теперь ты видишь? – попросту сказал он.

– Значит, план «Бэ», – кивнув, отвечала Тейса.

Глава семнадцатая. Тейо Верада

Тейо в эту минуту отбивался от нападавших.

По счастью, его загнали в угол. Для большинства этакое положение оказалось бы затруднительным, однако магу-щитовику – даже средненьких способностей послушнику вроде Тейо Верады – так было даже чуть-чуть легче. Стоя спиной к паре сошедшихся под углом девяноста градусов стен из оштукатуренного кирпича, он сумел активировать и восточную, и западную вершины, сотворив два обширных прямоугольника из непроницаемо-твердого света. Поскольку левая его вершина всегда превосходила силой правую, он сотворил также небольшой круг света за правым ухом, помогавший держать равновесие. Вдобавок к этому Тейо мог податься назад, оперев на стены оба щита, да еще придать им силы при помощи вершин сердца, духа и разума. Одним словом, добраться до него трое напавших воинов-груулов не смогли б ни за что.

Поэтому он чувствовал себя в полной безопасности. До поры.

«Однако я в тупике. Крысу все это найти не поможет».

Прежде чем войти на территорию Груулов, Тейо навел Конклав Селезнии, заблудившись в пути всего дважды. Наскоро посоветовавшись с Эммарой Тандрис и крестным отцом Крысы, Боруво, он получил ответ: дескать, тревожиться

не о чем, Крыса нередко исчезает на несколько недель кряду. Но все же тревоги не унимались, и Тейо продолжил странствия.

Троице напавших – двоим людям и гоблину, одетым в меховые накидки, украшенные множеством декоративных костей, – он сообщил, что разыскивает дочь двух их лучших воинов, Гана и Ари Шокта. Однако швыряние громкими именами троицу ничуть не впечатлило. Похоже, они с Шокта принадлежали к разным кланам, ну, а поскольку война, объединившая Клань Груулов, завершилась, щадить друзей чужого клана забияки были вовсе не в настроении.

Мало-помалу единственная надежда Тейо показалась ему беспочвенным самообольщением. В самом начале неподалеку ошивался юный виашино, к нападающим не примкнувший. Услышав, кого ищет Тейо, он развернулся и – надо отметить, довольно лениво – скрылся в туннеле. Теперь, принимая на щиты мерные удары трех груулских молотов, парнишка скрещивал на удачу вершины: быть может, виашино уже ведет подмогу?

В самом ли деле этот виашино его и спас, Тейо узнать не довелось. Но в скором времени на поле боя действительно прибыли Ари Шокта и вождь ее клана, циклоп Борборигмос – при оружии, готовые к схватке. Однако схватки не последовало. Борборигмос проревел что-то неразборчивое (по крайней мере для уха Тейо), и трое обидчиков, бросив на прощание пару неубедительных угроз, со всех ног пустились

бежать.

Ари Шокта шагнула к нему, и Тейо немедленно убрал щиты. Подойдя вплотную, мать Крысы стиснула его в медвежьих объятиях, отчего ребра Тейо подверглись куда большему риску, чем во время нападения.

– Тейо, мальчик мой, – заговорила она. – Рада тебя видеть.

Несмотря на боль в едва не проломленных ребрах, столь теплое приветствие оказалось переменной очень даже приятной. При первых нескольких встречах с Ари та взирала на друга дочери с явным подозрением. Однако Тейо посчастливилось сыграть ключевую роль в спасении всего семейства Шокта (не говоря уж о Борборигмосе и главах прочих девяти гильдий) от Вековечного Бога Кефнета, и сей подвиг впечатлил Ари настолько, что та сменила гнев на милость. К тому же способность Тейо видеть дочь пришлась ей по душе, и Ари сочла парнишку достойным общества Аретии.

– А где же наша Аретия? – оглядевшись, спросила мать Крысы.

Тейо поник головой.

– Я надеялся, ты знаешь. Нас она покинула ночью, и с тех пор мне ее не найти.

– А я не видела ее с самого окончания битвы, – откликнулась Ари, бросив вопросительный взгляд на циклопа. В ответ тот только пожал плечами да буркнул нечто, для Тейо совершенно непонятное, но, очевидно, по сути своей означавшее: «Мне-то откуда знать?»

Вновь повернувшись к Тейо, Ари взглянула на него с сочувствием.

– Не тревожься, Тейо. Дело вполне обычное. Порой Крыса неделями домой носу не кажет.

– Именно так сказал и Боруво.

Услышав имя кентавра, Борборигмос басовито зарычал, а Ари нахмурилась, напоминая Тейо, что в этих краях упоминать имени крестного отца Крысы, отступившегося от Груулов, не стоит.

– Простите, простите, – сказал Тейо. – Просто я беспокоюсь. Беспокоюсь о ней с тех самых пор, как мы узнали, что Гекара больше ее не видит.

– Вот оно как... да, это и вправду удар так удар. Но ты уж поверь: моя дочь – девочка крайне стойкая. И от этого удара оправится. Хотя...

– Что?

– Хорошо, что ты ищешь ее, Тейо Верада. Доброе это дело.

Совсем не чувствуя себя достойным ее доверия, Тейо молча кивнул. Он понял, где искать Крысу дальше... и сам этому ужаснулся.

Глава восемнадцатая. Чандра Налаар

Камень на камень, камень на камень, камень на камень... и все – поверх брони ее Гида. Ко времени их прибытия на Теросе наступила ночь, и курган складывали все вместе. При свете прекрасной полной луны всякий внимательно оглядывал окрестности в поисках самого подходящего камня – камня, что лучше всего совпадет с неповторимым образом Гидеона Джуры, сложившимся в мыслях каждого из мироходцев. Посему одни камни были велики, другие малы. Одни – круглы, другие – плоски. Все до единого – тверды и прочны. И...

«Может ли камень быть жизнерадостным? Кажется, мой – да».

Чандра была уверена, что место они подыскали великолепное – окруженное живой растительностью, близ журчащего ручья и камышей, покачивавшихся из стороны в сторону на ветерке, однако в виду большого города, Акроса, где родился и вырос Гидеон. Однажды, совсем недавно, она ненадолго заглядывала сюда вместе с Гидом. Тогда здесь тоже была ночь, и он показывал ей Никс, небесное царство богов Тероса, со всеми его созвездиями. Теперь Чандре казалось, будто созвездие Гелиода смотрит на них с высоты – и не без толики одобрения в адрес их стараний.

Деревьев поблизости не росло, и это, кажется, обидело

Ниссу. Вынув из кошелька на поясе желудь, она закопала его в землю дюймов на шесть, в ярде позади кургана. Аджани опустился на колени у ручья, набрал в горсть немного воды и полил ею закопанный желудь.

После этого Нисса смежила веки, прошептала просьбу о позволении... и вдруг, в каких-то несколько секунд, над травой, отмечая «могилу» Гидеона Джуры, ПОДНЯЛСЯ МОГУЧИЙ ДУБ!

Все молча замерли, восхищаясь чудом, и опомнились лишь немалое время спустя.

Наконец Аджани заговорил:

– Не стоит ли одному из нас сказать что-нибудь?

Нисса бросила на него хмурый взгляд и повернулась к дубу, словно бы говоря: «Я только что сказала очень и очень многое».

Аджани кивнул, признавая ее красноречие, однако явно по-прежнему полагал, будто без настоящих слов тут не обойтись. Он перевел взгляд на Чандру, но пиромант поспешно качнула головой из стороны в сторону. Она была просто ошеломлена, и слов у нее не находилось.

– Мне будет очень не хватать друга, – глухо проговорил Джейс.

От этой простой надгробной речи у Чандры перехватило дух. Что есть сил закусив губу, она почувствовала на языке медный привкус капельки крови.

Но тут выступившая вперед Уатли объявила:

– В честь Гидеона Джуры я сложила стихи.

Чандра едва ли не в ужасе переглянулась с Джейсом и Ниссой.

«Уатли, едва знавшая Гида, сочинила в память о нем стихи?»

Однако Сахили Рей взглянула ей в глаза, словно бы говоря: «Дай ей шанс».

И Уатли начала – запела, хотя и назвала свое сочинение стихами. Да, по крайней мере, петь она умела. К пению у нее был талант – в смущение оно не повергало. Голос ее оказался чистым альтom – успокаивающим, уютным, однако не нагоняющим дрему. Он действовал, будто врата, ведущие Чандру и остальных к значению, к смыслу...

Герой погиб, победе жизнь свою отдав.
Скорбим о нем. Смела, разбила нас беда.
Скорбим мы не о том, кого толпа поет,
И будет вспоминать – торжественно, раз в год.

Ни корысти, ни славы себе не ища,
Нес он наши сердца, как корабль по волнам.
Наши души от страха герой защищал,
И утраты слезами не высказать нам.

Герой великий пал, враг сгинул на века,
Но чересчур цена триумфа высока.
У них есть символ, их избавивший от бед.
А как нам жить? Ведь с нами друга больше нет...

Ни корысти, ни славы себе не ища,
Как корабль по волнам, он сердца наши нес.
Наши души от страха герой защищал,
Что мы можем ему предложить кроме слез?

Им уже не изведать его доброту.
Нам он друг. Пусть легенды о нем возрастут,
Превращая героя в ходячий доспех,
Мы ж запоем улыбку и искренний смех.

«Как же такое возможно? Она ведь не знала его... не знает
ни нас, ни меня... Как же ей удалось столь точно ухватить
образ нашего Гида? Как ей удастся... выразить песней... то,
что у меня на сердце?.. Как ей удастся выразить песней мой
стыд, мое чувство вины?»

Ни корысти, ни славы себе не ища,
Нес он наши сердца, как корабль по волнам.
Наши души от страха герой защищал,
И утраты слезами не выразить нам.

Песнь Уатли тронула Чандру до глубины души. Уткнувшись
лицом в плечо Ниссы, она разрыдалась. Сказать откровенно,
с облегчением. Способности плакать она была даже рада:
выходит, вчерашнее оцепенение чувств прошло – по крайней мере на время.

Ни корысти, ни славы себе не ища,

Нес он наши сердца, как корабль по волнам.
Наши души от страха герой защищал,
И утраты слезами не выплакать нам.

– Совсем непохоже на другие... э-э... стихи, что ты мне показывала, – заметила Сахили, когда песня подошла к концу.

– Мне показалось, для Гидеона Джуры нужно что-то иное. Вдохнув полной грудью прохладу ночи, Чандра устремила взгляд к горизонту.

– Гидеону пришлось бы по душе, – со вздохом сказала она. – И даже Лилиане, пожалуй, понравилось бы... – Но тут она осеклась и поспешила поправиться. – Простите. Не стоило этого говорить. Не стоило поминать о ней здесь, в такую минуту. Просто... само как-то вырвалось.

– Все в порядке, – попытался ободрить ее Джейс. – Думаю, все мы до сих пор испытываем к Лилиане... противоречивые чувства.

Нисса звучно откашлялась. Она предпочитала помногу не говорить, да и Лилианы не любила никогда, и потому ее слова, едва прозвучав, удивили всех куда более, чем тот факт, что она заговорила вовсе:

– Гидеон колебаться не стал бы. Гидеон попытался бы спасти Лилиану. Гидеон попытался бы помочь ей восстановить свое доброе имя.

Глава девятнадцатая. Лилиана Весс

Вороны улетели прочь – если не навсегда, то до поры.

«Сколько же времени я здесь стою?»

Сколь долго она пыталась отвергнуть посулы Человека-Ворона и его – о, абсолютно искреннее, чистосердечное – предложение помощи? Сегодня ей удалось отогнать его (кто бы он ни был таков). Устоять перед ним (и перед тем, для чего он хочет ее использовать). Однако это вовсе не означало, будто она понимает, чего хочет сама. Чего она желает от жизни.

«Или я просто не желаю жить? Какой вопрос будет вернее? Чего я ожидаю от жизни, или чего требую от смерти?»

Многие годы Лилиана усердно стремилась освободиться от демонов, а после – от дракона, унаследовавшего заключенные с ними договоры, и ни разу по-настоящему не задумывалась, как будет жить, что делать, достигнув цели.

«И уж точно ни минуты не думала, чего может стоить ее достижение, будь оно все проклято».

Бросив взгляд под ноги, она вспомнила, что стоит по щиколотку в воде. Ступни окоченели до полного бесчувствия.

«Вот и прекрасно. Вполне под стать тому, что заменяет мне душу».

С этими мыслями она двинулась дальше – сама не зная, зачем, побрела к развалинам фамильной усадьбы.

«Вся моя жизнь – руины, пустая раковина, как и наш дом».

И тут в ушах зазвучал шепот...

«О, нет. Пожалуйста, нет. Только их мне сейчас не хватало...»

Сначала – Человек-Ворон, а теперь и духи Онакке, обитающие в Кольчужной Завесе, хранящейся в небольшом кошельке у пояса. С такой настойчивостью, с таким упорством духи еще не шептали с тех самых пор, как Завеса впервые попала к ней в руки.

«Теперь договор расторгнут... и это каким-то образом освободило их...»

На сей раз духи сделались не просто настойчивее, но более явственно... проявлялись в сознании. «Сосуд», – шептали духи (так они называли ее, видя в ней пустоту, которую стремились собою заполнить).

«И насчет пустоты они вовсе не ошибаются...»

Корень, – шептали духи, – наконец распустился прекрасным цветком. Отдайся нам, – нашептывали духи, – и успокой измученное сердце.

«А ведь соблазнительно... Как соблазнительно сдаться, перестать быть собой, вверить всю ответственность духам... даже если “вверить” – лишь эвфемизм для чего-то сродни смерти».

Ведь суровая правда состояла в том, что Лилиане все сильнее и сильнее – до отчаяния, до боли – хотелось уме-

реть. Едва не позволив себе утонуть, она сделала первый шаг и развязала войну, которую ныне проигрывала.

«Ради забытой всеми богами Мультивселенной эту войну лучше уж проиграть, но на своих условиях. Проиграть, но не допустить, чтоб мною снова воспользовались».

Между тем тьма в душе и вокруг становилась все гуще. При одной мысли о том, куда она может завести, Лилиану пробрала дрожь.

«Напугана тем, что могу сделать дальше. По-видимому, теперь-то я способна на все. Даже стать чудовищем, равным самому Боласу...»

Однако духов придется еще немного попридержать. Дать себе время отыскать дорогу. Дать себе время пройти этот последний отрезок пути.

«Я смогу. Справлюсь. Так будет лучше. Лучше и для Мультивселенной, и для меня самой. Дабы спастись, не остаться рабыней дракона, я погубила Боласа и Гидеона. И должна быть готова убить еще одну, последнюю особу, чтобы не превратиться в Онакке или одну из прислужников Человека-Ворона».

– Молчать, – сказала она вслух, и говорила вполне серьезно. Этого слова и вложенной в него решимости оказалось довольно, чтоб временно заглушить голоса духов.

«Надолго ли? На час? На минуту? Если уж я хочу положить всему конец, спастись от судьбы орудия в их руках, лучше поторопиться».

Лилиана знала: дом уже близок. Что, если дойти туда, приползти на могилу былых мечтаний? Если сделать это там, пожалуй, так будет только справедливо. Именно там она впервые причинила кому-то боль. Именно там впервые погубила тех, кого любила больше всего на свете.

«Дом...»

Лилиана поднялась на гребень невысокого холма.

«Во имя Урзы, что это?»

Отсюда, с возвышенности, открывался вид на развалины дома. Вот только теперь то были отнюдь не развалины. От изумления Лилиана в буквальном смысле протерла глаза. Не может быть...

«Ведь я была здесь всего пару месяцев назад...»

Да, до усадьбы – до Дома Вессов – еще оставалось около пары сотен шагов. Однако отсюда, с гребня холма, она казалась полностью отстроенной заново. И не только на вид – шуму-то сколько, шуму...

«Девять Адов, да там, внутри, праздник в самом разгаре!»

Глава двадцатая. Кайя

Представители Синдиката Орзовов – глава гильдии госпожа Кайя в сопровождении главного блюстителя Билагру и адвоката Тамика Вроны – прибыли на совещание в резиденции Сената одними из последних, в то время как большинство участников уже собрались перед статуей (или, точнее, трупом) сфинкса Исперии, бывшей главы гильдии Азориусов.

Теперь место покойной Исперии занимала Лавиния, сопровождаемая сенатором Ниллошем, не без удовольствия (хотя Лавинии все это никакого удовольствия явно не доставляло) представившим новую главу гильдии как временно занимающую должность Верховного Арбитра Сената Азориусов.

– Предпочитаю быть задержателем, – буркнула Лавиния. Ниллош укоризненно цокнул языком.

– Теперь это было бы совершенно неуместно... госпожа временно занимающая должность Верховного Арбитра.

В его устах титул прозвучал так, точно Ниллош вспомнил о нем с некоторым запозданием и почти наверняка – в издевку.

Как можно дальше от двух делегатов Сената Азориусов стояла убийца – а может, палач – Исперии, царица Враска собственной персоной, вместе со Сторрев, своей ближайшей

помощницей из Былых, представлявшая Рой Голгари. Вид царственная горгона имела крайне мрачный, но, по крайней мере, взгляд ее не сверкал огнем, готовый обратить в камень кого-нибудь еще... до поры до времени.

Главу гильдии Рала Зарека, вместе с мажордомом Марри представлявшего Лигу Иззетов, Кайя видеть была очень рада. Однако он тоже был целиком поглощен собственными раздумьями и крайне мрачен с виду – даже присутствие Тамика не смогло заставить его улыбнуться.

Култ Ракдоса представляла кровавая ведьма Экзава, Ассоциацию Симиков – биомант Ворел, Клань Груулов – Ган Шокта, Легион Боросов – глава гильдии Аурелия, а Конклав Селезнии – копыеносец Боруво.

Кроме этого, возле Нив-Миззета, нового Воплощения Договора, сгрудилась горстка мироходцев: Вивьен Рейд, Странница и Джайя Баллард. Вот уж кого Кайя никак не ожидала увидеть! Она полагала, что Джайя-то непременно отправится на Терос, на церемонию прощания с Гидеоном Джурой.

«Я думала, эти двое между собою близки».

Остановившись в сторонке, Кайя задумалась. Что могло побудить их явиться сюда, на совет? Но сколько бы она ни анализировала их побуждения, в голову не приходило ничего. Джайя казалась встревоженной. Вивьен – напряженной. А Странница? Кто ее знает... Из-за длинных светлых волос и низко надвинутой широкополой шляпы Кайя даже лица ее не могла как следует разглядеть.

Последней, с извинениями, появилась Аурелия – на сей раз настоящая. При виде прежней Аурелии она смирila ее гневным взглядом, и та, пожав плечами, обернулась Лазавом из Дома Димиров. Смушения в нем не чувствовалось ни на грош.

– К чему все эти игры? – спросила его Кайя.

– Такой уж я озорник, – холодно отвечал он. – А где же прячется твоя свита?

– Я отправила Тейо на поиски Аретии, – пояснила Кайя, но тут же пожалела о собственной несдержанности. Главе тайной службы Димиров не стоило бы выдавать даже этакой малости.

– Отчего это Орзовы разыскивают мою дочь? – требовательно спросил Ган Шокта.

– Ее разыскивают не Орзовы. Ее разыскиваю я – поскольку тревожусь о ней.

Силач отмахнулся от ее тревог, но не с пренебрежением – с гордостью:

– Аретии Шокта заботы глав гильдий не требуются!

– Давайте-ка перейдем к делу, – с нетерпением перебил его Нив-Миззет. – Царица Враска, глава гильдии Кайя, глава гильдии Зарек, вы принимаете поручения?

Отвечать ни один из троих не спешил. Вместо этого вперед выступила мажордом Марри.

– Прежде чем они ответят, Огненный Разум, я должна спросить: разумно ли отсылать с Равники трех новоиспечен-

ных глав гильдий в такой переломный момент?

– Подождать с этим вопросом нельзя? – проворчал Огненный Разум, отнюдь не обрадованный тем, что гоблинша, им же самым возвышенная до нынешнего положения, дерзнула усомниться в его мудрости.

– Я полагаю, это необходимо, – вмешался Рал. – Равника должна знать, можно ли положиться на то, что ее правители одолеют возможных завоевателей и воздадут врагам по заслугам. Тем из нас, кто, пусть недолго, держал сторону дракона Боласа, наподобие Враски, Кайи и меня самого, нужно многое доказать. Вот почему я сам вызвался отправиться в погоню за Теззеретом. Это он отворил Межмировой Мост, позволивший Вековечным погубить так много жителей Равники. Кроме этого, я искренне полагаю, что Теззерет может стать серьезной угрозой для нашего мира, а то и для всей Мультивселенной. Вдобавок, драться нам с ним не впервой. Для меня это личное.

– Но не для меня, – объявила Враска, в последний раз бросив удовлетворенный взгляд на Исперу и повернувшись к собравшимся. – Довину Баану я не заступница, однако жив он или мертв, мне, в общем, все равно. Желания покидать Равнику или Голгари у меня тоже нет. И все же я вполне понимаю, что все вы думаете обо мне и моих поступках. Для полной ясности: Исперию я убила не ради Никола Боласа, но по причинам личного свойства. Однако – личные мотивы в сторону – я также вполне понимаю: именно этого и хотел бы

от меня дракон. Именно это ему от меня и требовалось.

– И повлекло за собой крах нашего альянса, – подытожил Огненный Разум, – что повлекло за собой мою временную смерть и едва не повлекло за собой победу Боласа.

– А вот это спорно, – заметила Кайя.

Враска ответила ей благодарным кивком.

– Бесспорно другое, – заявил Ворел. – Если ты станешь упорствовать, Голгари будут сокрушены объединенной мощью остальных девяти гильдий.

– А вот это даже более чем спорно, – возразила Кайя.

– И крайне маловероятно, – поддержал ее Рал. – Воплощение Договора предотвратит подобный конфликт.

Нив выпустил из ноздрей пару колец дыма и очевидно задумался.

– Да, – наконец сказал он. – Подобное мне придется предотвратить. Но прежде, чем я найду время вмешаться, Голгари может быть нанесен немалый урон. Однако, если царица Враска преуспеет в убийстве Баана, все прошлые преступления и обиды будут прощены, а прочие гильдии оставят Голгари в покое. В этом ручаюсь словом.

– А я в твоём слове ни секунды не сомневаюсь, – с циничной улыбкой откликнулась Враска. – Но хорошо. Прекрасно. Скажем, недельку вдали от гильдии и родного мира, в погоне за Довином Бааном, я проведу.

– Ты вовсе не обязана делать это против собственного желания, – заметила Кайя.

Сочувствие ее Враска оценила, но отрицательно покачала головой:

– Это, пожалуй, неважно. Я, как и ты, не только глава гильдии, но и убийца. Убийство Баана для меня всего лишь очередная работа. Он выбрал сторону проигравших, и победившая сторона желает его смерти. Если ради будущего Голгари Баан должен умереть, так тому и быть.

Тогда Огненный Разум обратился к Кайе:

– Что скажешь ты?

– Прежде чем она даст ответ, – вмешалась Джайя, – в самом ли деле мы все согласны, что Лилиана Весс должна умереть?

Собравшиеся издали дружный стон, словно бы говоря: «Опять! Только не это!»

– Опять! Только не это, – вслух проворчал Ворел, закатив глаза.

– Боласа убила она, а не один из нас, – напомнила Джайя, повернувшись к Нив-Миззету и взглянув в его глаза. – Включая тебя, Огненный Разум.

– Это доказывает только одно, – сказала Аурелия, – что она могла убить Боласа с самого начала. Но вместо этого выжидала. Выжидала, пока в бою не погибли многие тысячи. В большинстве – от рук подконтрольных ей Вековечных.

– Очевидно, ей требовалась помощь Гидеона.

– Тогда ей следовало попросить об этом. Возможно, если б она так и сделала, Гидеон Джура был бы сегодня жив.

– Кроме того, – задумчиво проговорил Лазав, – можем ли мы дальше терпеть существование на свете особы, движимой неясными мотивами, и притом обладающей силой, достаточной, чтоб уничтожить Никола Боласа? Что может прийти ей в голову дальше?

Оценив его довод, Джайя кивнула:

– Итак, несогласных нет?

Никто – даже Кайя – не проронил ни слова.

Джайя снова кивнула и более не сказала ничего.

Нив-Миззет вновь обратился к Кайе:

– Госпожа, мы полагаем, что для убийства Весс лучше всего подойдешь ты.

– В самом деле? – с сомнением уточнила Кайя. – Обычно меня, знаешь ли, нанимали для убийства призраков, духов и неупокоенных. Лилиана ни к тем, ни к другим, ни к третьим не принадлежит.

– Чтобы добраться до некромантки Весс, тебе, весьма вероятно, придется убить немало нежити. Вдобавок у тебя нет с Лилианой никаких прошлых связей. Никаких былых конфликтов. Для тебя, как и для Враски, это просто очередная работа.

– Все это хорошо, просто распрекрасно, однако мы до сих пор не коснулись практических соображений. Как мне найти Лилиану? Каким образом всем нам предлагается искать цели? Как уже говорилось вчера, все следы их перемещений давным-давно исчезли.

– Не все, – сказала Странница из-под низко надвинутой шляпы.

– Это верно, – согласился Нив. – Прибегните к логике. Вычислите, куда мог бы отправиться каждый.

– Некромантка наподобие Весс, – предположила Ви-вьен, – может чувствовать себя как дома на Иннистраде, или, возможно...

– Она на Доминарии, – без тени сомнения заявила Странница.

– Поверь мне, это – последнее место, куда ей пришлось бы в голову отправиться, – с равной уверенностью заявила Джайя.

– И тем не менее отправилась она именно туда. Когда она покинула Равнику, я проследила за ней.

– Проследила? – переспросил Рал. – Зачем?

– «Зачем» тут вряд ли так уж важно, – возразил Ган Шокта. – Лично я просто этому рад.

Однако Странница ответила:

– По всем перечисленным выше причинам. Я полагала, что она может по-прежнему оставаться опасной, и пожелала узнать, где она собирается залечь на дно. Ответ – Доминария.

– И где же на Доминарии? – спросила Джайя.

– Место мне незнакомо. Какие-то болота, топи, в отдалении виден старый разрушенный особняк. Споткнувшись, она упала в воду и чуть не утонула. На помощь ей я не при-

шла, однако вынырнуть она сумела. Не знай я, на что способна эта некромантка, зрелище, надо заметить, было бы довольно жалким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.